

№ 17/2023

БЫТЬ ДОБРУ!

Публицистический
литературно-художественный
журнал

Дорогой читатель!

Для каждого из нас 9 Мая – особый день, настоящий праздник, символ нашей национальной гордости, единства и уважения к истории нашей страны. Героизм и стойкость народного духа, подвиг соотечественников навсегда останутся в наших сердцах. Низкий поклон участникам этих великих и в то же время ужасающих событий. Недаром в знаменитой песне Булата Окуджавы поётся:

«От Курска и Орла война нас довела
До самых вражеских ворот, такие, брат, дела.
Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим.
А нынче нам нужна одна победа.
Одна на всех — мы за ценой не постоим»

Низкий поклон ВАМ, ветераны! Вечная память тем, кто не дожил до сегодняшнего дня! Мирного неба над головой каждому из нас!

Ледосплав

Когда мгновенье до победы,
То застывает тишина,
И кто-то главное поведал,
За что сражались мы сполна,

За этот дом, за эту чашу,
За что-то важное окрест...
Не вспомнить. Но Победу нашу
Несём как свет от горних мест.

Да, за свободу вне пространства,
За время вне поводирей!
За вечное непостоянство
И за открытие снегорей

В раю, пока исконно-диком,
Где синевой блистают льды,
И тают перед бранным ликом
Над кромкой зоревой воды.

Уже стремится половодье
И душу захватить, и сны
О нашем сорок пятом годе,
Воскресшем в пятнах белизны.

Алексей Филимонов

Сегодня в номере

Прадедушкины медали. Медаль за оборону Севастополя	2
Автор Баир Иринчеев	
Рассказы очевидцев о войне. Заговор от пуль	10
Автор Марий Иванив	
Поэзия	18
Хроника войны. Собака-минёр на кителе Сталина	22
Хроника войны. 1941–1945. Ленинградская эпопея враг наступает	23
Письма военных лет. Хочу дожить до конца войны	29
Автор Максимов Владимир Александрович	
Письма военных лет. «Здравствуй, дорогая моя Галочка!..»	32
Автор Василий Петрович Тыщенко	
Сильные духом. Вторая мировая. Мифы о «вине» СССР	34
Автор Евгений Дунаев	
Сильные духом. Нас готовили к войне «на пальцах»	47
Воспоминания В. А. Максимова	
Сильные духом. Схожу с ума	52
Автор Баранова (Хохлова) Лидия Даментьевна	
Хроника войны. Солдаты шли дорогами войны	56
Автор Анатолий Докучаев	
Прадедушкины медали. Медаль за оборону Сталинграда	61
Автор Баир Иринчеев	

С ДНЁМ ПОБЕДЫ, ДРУЗЬЯ!

МЕДАЛЬ ЗА ОБОРОНУ СЕВАСТОПОЛЯ

Часть 1

Автор **Баир Иринчеев**

Серия детских книг «Прадедушкины медали»*

Севастополь — вечный символ стойкости нашего народа. Это единственный город страны, медаль за оборону которого учреждалась дважды. В первый раз — в годы Крымской войны 1854–1855 годов. Второй раз — 22 декабря 1942 года, когда город всё ещё был в немецкой оккупации. Оборона Севастополя в Великую Отечественную войну длилась 250 дней. Враг сумел захватить город только с третьей попытки. Цветущий белокаменный город у Чёрного моря был разрушен до основания. За годы оккупации население города было почти полностью уничтожено оккупантами. Весной 1944 года советские войска освободили Крым и Севастополь стремительным ударом, нанеся противнику тяжелейшее поражение.

* <https://medali-pradededa.ru/>

22 июня 1941 года

Севастополь встретил внезапное нападение нацистской Германии первым в стране. Нельзя сказать, что налёт немецкой авиации застиг главную базу Черноморского флота врасплох. Уже в середине июня боевые корабли флота находились в состоянии боевой готовности № 2. В первый час рокового дня 22 июня 1941 года Черноморский флот перешёл на боевую готовность № 1.

Лучше всего это описал в своих мемуарах начальник штаба Черноморского флота адмирал Иван Дмитриевич Елисеев:

В ночь на 22 июня на такое дежурство заступил я, начальник штаба. Такова уж традиция на флоте: самым ответственным считается дежурство с субботы на воскресенье.

В 01:03 поступила телеграмма из Москвы. Через две минуты она уже лежала у меня на столе. Вскоре телеграмма была вручена прибывшему командующему флотом. Это был приказ Наркома ВМФ о переводе флота на оперативную готовность № 1. Немедленно привели в действие заранее отработанную систему оповещения. Предусматривалось два способа вызова личного состава: через оповестителей (скрытно) и по тревоге. Сначала я приказал использовать первый способ. Но в штаб стали поступать сообщения, что переход на повышенную готовность осуществляется недостаточно быстро. Тогда я приказал сыграть базовую тревогу.

Оперативная готовность № 1 была объявлена по флоту 22 июня 1941 года в 01:15. Постепенно начали гаснуть огни на бульварах и в окнах домов. Городские власти и некоторые командиры звонили в штаб, с недоумением спрашивали:

— Зачем потребовалось так спешно затемнять город? Ведь флот только что вернулся с учения. Дали бы людям немного отдохнуть.

— Надо затемниться немедленно, — отвечали из штаба.

Последовало распоряжение выключить рубильники электростанции. Город мгновенно погрузился в такую густую тьму, какая бывает только на юге.

Лишь один маяк продолжал бросать на море снопы света, в наступившей мгле особенно яркие. Связь с маяком оказалась нарушенной; может быть, это сделал диверсант. Посыльный на мотоцикле помчался к маяку через тёмный город.

В штабе флота вскрывали пакеты, лежавшие неприкосновенными до этого рокового часа. На аэродромах раздавались пулемётные очереди — испытатели опробовали боевые патроны. Зенитчики снимали предохранительные чеки со своих пушек. В темноте двигались по бухте катера и баржи. Корабли принимали снаряды, торпеды и всё необходимое для боя. На береговых батареях поднимали свои тяжёлые тела огромные орудия, готовясь прикрыть огнём развёртывание флота.

В штабе торопливо записывали донесения о переходе на боевую готовность с Дунайской военной флотилии, с военно-морских баз и соединений кораблей.

«Примерно к 02 часам 00 минутам 22 июня весь флот находился в готовности», — записано у Н. Т. Рыбалко.

Около 3 часов дежурному сообщили, что посты СНИС и ВНОС слышат шум авиационных моторов. Рыбалко докладывает об этом И. Д. Елисееву.

— Открывать ли огонь по неизвестным самолётам? — звонит начальник ПВО полковник Жилин.

— Доложите командующему, — отвечает начальник штаба.

Рыбалко докладывает комфлоту. И тут у них происходит разговор, который воспроизвожу по записи дежурного:

Ф. С. Октябрьский. Есть ли наши самолёты в воздухе?

Н. Т. Рыбалко. наших самолётов нет.

Ф. С. Октябрьский. Имейте в виду, если в воздухе есть хоть один наш самолёт, вы завтра будете расстреляны.

Мемориальная стена участникам обороны Севастополя 1941–1942 годов. Две остановленные стрелы символизируют два отражённых штурма, третья — штурм, который отбить не удалось. В почётном карауле у Мемориальной стены стоят лучшие старшеклассники Севастополя

Елисеев Иван Дмитриевич
Начальник штаба Черноморского флота, контр-адмирал

Октябрьский Филипп Сергеевич
Командующий Черноморским флотом, вице-адмирал

Петров Иван Ефимович
Командующий Приморской армией.
Послевоенное фото

Н. Т. Рыбалко. Товарищ командующий, как быть с открытием огня?

Ф. С. Октябрьский. Действуйте по инструкции.

Я дословно привожу записи Н. Т. Рыбалко не для того только, чтобы дать характеристику людям. Хочется пояснить, как было трудно принимать первые решения, означавшие переход от мирного времени к войне.

Ведь дело касалось Севастополя — главной военно-морской базы Черноморского флота. Отдать здесь приказ об открытии огня всей системой ПВО по неизвестным ещё в те минуты самолётам далеко не равнозначно открытию огня на какой-либо пограничной заставе, привыкшей ко всяким инцидентам. На командовании лежала большая ответственность: с одной стороны, не пропустить безнаказанно врага, а с другой — не вызвать нежелательного осложнения. Несколько позже, когда все флоты получили прямое разъяснение, что война началась, сомнения и колебания отпали.

Естественно, такой ответ не мог удовлетворить дежурного Н. Т. Рыбалко, и он обратился к стоявшему рядом с ним начальнику штаба флота И. Д. Елисееву:

— Что ответить полковнику Жилину?

— Передайте приказание открыть огонь, — решительно сказал И. Д. Елисеев.

— Открыть огонь! — скомандовал Н. Т. Рыбалко начальнику ПВО. Но и полковник Жилин хорошо понимал весь риск, связанный с этим.

— Имейте в виду, вы несёте полную ответственность за это приказание. Я записываю его в журнал

боевых действий, — ответил он, вместо того чтобы произнести короткое флотское «Есть!».

— Записывайте куда хотите, но открывайте огонь по самолётам! — уже почти кричит, начиная нервничать, Рыбалко.

3 часа 07 минут. Немецкие самолёты подходили к Севастополю крадучись, на небольшой высоте. Вдруг сразу вспыхнули прожектора, яркие лучи стали шарить по небу. Заговорили зенитные орудия береговых батарей и кораблей. Несколько самолётов загорелись и начали падать. Другие торопились сбросить свой груз. У них была задача заблокировать корабли в бухтах Севастополя, не дать им возможности выйти в море. Противнику это не удалось. Мины упали не на фарватер, а на берег. Часть попала в город и взорвалась там, разрушая дома, вызывая пожары и убивая людей.

Мины спускались на парашютах, и многие жители думали, что это выбрасывается воздушный десант. В темноте принять мины за солдат было немудрено. Невооружённые севастопольцы, женщины и даже дети бросились к месту приземления, чтобы схватить фашистов. Но мины взрывались, и число жертв росло. Однако налёт был отбит, и рассвет 22 июня Севастополь встретил во всеоружии, оцетинившись орудиями, которые смотрели в небо и в море.

В первые же минуты вторжения в Севастополе взрывы немецких мин убили свыше 20 мирных жителей. Среди погибших при первом налёте вражеской авиации Великой Отечественной войны были пожилая женщина Александра Белова, её дочь Варвара Соколова и внучка Леночка.

Первый штурм

Изначально нацисты не придавали большого значения Крыму и Севастополю. Однако Севастополь является главной базой Черноморского флота — не только для боевых кораблей, но и для авиации. Советские тяжёлые бомбардировщики ДБ-3, взлетая с аэродромов Крыма, нанесли несколько мощных ударов по стратегически важным объектам противника — по нефтепромыслам Плоешти в Румынии.

Это был единственный регион добычи нефти для нацистской Германии. Без горючего немецкая военная машина работать не могла. Поэтому уже 23 июля Гитлер приказал обратить внимание на захват Украины и Крыма. К осени 1941 года немецкие и румынские части блокировали Одессу и вышли к Перекопу2 — воротам Крыма. Однако советские войска и Черноморский флот сумели отбить все попытки противника захватить Одессу. Город готовился к длительной обороне. На Перекопе оборону держала Приморская армия генерала Петрова. Здесь, на Перекопе, враг нанёс следующий удар. 28 октября 1941 года немецкие и румынские войска, собрав мощную ударную группировку, прорвали нашу оборону и ворвались в Крым. Наше командование очень рассчитывало на то, что оборона здесь выстоит. Прорыв немцев и румын сразу поставил наши войска в тяжёлое положение. Направленная на помощь оборонявшимся на Перекопе 7-я бригада морской пехоты полковника Жидилова выступила из Севастополя слишком поздно. В результате нашим войскам Приморской армии пришлось вести бои на дорогах Крыма с превосходящими силами противника. Немцы и румыны превосходили наши войска не только в численности, но и в средствах связи, подвижности и организованности. Теряя людей и технику, но отчаянно сопротивляясь, наши части отходили к Севастополю.

Сухопутных резервов, чтобы успешно оборонять Севастополь, у нас не было. Оборону Севастополя держали только морские части. В связи с этим Ставка при-

няла решение оставить Одессу и эвакуировать оставшиеся там войска Приморской армии в Севастополь для укрепления его обороны.

В самом Севастополе и вокруг него обстановка оставалась тяжёлой. Адмирал Октябрьский считал, что самое главное — сохранить боевые корабли, и спешно отбыл из Севастополя в Новороссийск, чтобы подготовить эвакуацию основной военно-морской базы Черноморского флота.

Официальной датой начала Второй обороны Севастополя считается 30 октября 1941 года, когда 54-я береговая батарея, расположенная около села Николаевка, открыла огонь по наступающим немецким колоннам. На батарее было всего 4 устаревших орудия калибром 102 мм и около 200 человек личного состава. Командовал этой небольшой воинской частью лейтенант Иван Иванович Заика, которому тогда исполнилось всего 23 года. Краснофлотцы 54-й батареи, отрезанные от основных сил, продержались четверо суток, выпустили по противнику несколько сотен снарядов. Более половины батарейцев погибло, часть — попала в плен. Но кто-то из батарейцев Заики сумел прорвать немецкое кольцо окружения и выйти в Севастополь. 8 декабря 1941 года лейтенант Иван Иванович Заика был награждён Орденом Красного Знамени за бой своей батареей.

Первый штурм Севастополя, который немцы и румыны начали с ходу, наши части сумели отбить,

Установка зенитных пулеметов у панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 годов». Лето 1941 года

Прорыв немцев через Перекоп, эвакуация Одессы, первый штурм Севастополя, октябрь-ноябрь 1941 года

Севастопольский оборонительный район (СОр), секторы обороны и основные укрепления

хотя это и стоило больших усилий. Морская пехота и прибывшие из Одессы дивизии Приморской армии генерала Ивана Ефимовича Петрова сумели удержать ключевые высоты вокруг города. На фронте установилось относительное затишье.

Как и Ленинград, Севастополь оказался блокированным противником с суши. Подвозить важные для обороны грузы можно было только морем. Однако снабжать осаждённый Севастополь было ещё труднее, чем Ленинград. Да, в Севастополе на момент начала обороны не осталось так много мирного населения, как в блокадном Ленинграде. Но в Севастополе не было столь больших военных заводов, как в Ленинграде, которые могли бы производить боеприпасы, оружие и военную технику. А севастопольская «Дорога Жизни» — путь снабжения города по Чёрному морю — была длиной около 400 километров. Немецкие флот и авиация постоянно атаковали наши транспорты и военные корабли. Несмотря на все трудности, город держался. В штольнях Севастополя было налажено производство миномётов и боеприпасов к ним, проводился ремонт боевой техники и оружия. Была построена плавучая зенитная батарея «Не тронь меня» и бронепоезд «Железняков».

Командование обороны приложило все силы для эвакуации мирного населения Севастополя в порты Новороссийска, Батуми и других портов кавказского побережья. Корабли, подвозящие в Севастополь боеприпасы, подкрепления и продовольствие, обратными рейсами увозили детей, женщин и стариков. В условиях господства в воздухе немецкой авиации эвакуация была сопряжена с большим риском. 12 ноября 1941 года немецкие самолёты-торпедоносцы атаковали и потопили советский транспорт «Армения», который вывозил из Севастополя не менее 5000 человек гражданского населения. В спешке погрузки даже не успели посчитать и записать, сколько людей было на борту. «Армения» затонула очень быстро, и спасти удалось всего несколько человек. Это стало самой большой катастрофой на море для советского флота за всю Великую Отечественную войну. Эвакуация мирного населения продолжалась всю зиму и весну.

Батарея — подразделение в артиллерии, совокупность артиллерийских орудий.

Перекоп — простонародное название Перекопского перешейка, который образует сухопутную связь между Крымским полуостровом и материком. Самая северная часть Крыма. В самой узкой части ширина Перекопского перешейка составляет 7 километров.

Штольня — горизонтальная или наклонная горная выработка (искусственная пещера).

Часть 2

Второй штурм

В конце осени 1941 года Эрих фон Манштейн, искусный генерал и политик, сумел убедить высшее немецкое руководство, что он сможет взять Севастополь до наступления Нового 1942 года. 17 декабря 1941 года немцы снова пошли на штурм позиций защитников Севастополя. Ситуация сразу сложилась тяжёлая. Немцы явно имели превосходство над защитниками города. Из портов Кавказа в Севастополь были спешно переброшены подкрепления, при помощи которых удалось укрепить оборону и отбить немецкие атаки. В этой ситуации было важно отвлечь немцев, заставить их ослабить атаки на город. Протяжённое побережье захваченного немцами Крыма было удобным местом для высадки десантов. Для того чтобы отвлечь немцев от Севастополя, на побережье Крыма была проведена серия десантов наших войск. Самым крупным из них стал десант, высаженный в Керчи и в Феодосии в период с 25 декабря 1941 года. Первая волна десанта высаживалась в условиях сильнейшего шторма и большого успеха не достигла. Часть наших небольших десантных отрядов, высаженных в районе Керчи и Эльтигена, погибла почти сразу. К 29 декабря ситуация для советских войск в районе Керчи складывалась крайне тяжело, и Манштейн уже докладывал в Берлин, что кризис миновал, и за несколько дней его войска уничтожат советский десант.

Но 29 декабря 1941 года началась высадка крупного советского десанта в Феодосии, заставшая немцев врасплох. Часть наших боевых кораблей, включая крейсер «Красный Кавказ», причалила прямо к стенке в гавани Феодосии. Это вызвало полное смятение у немцев. В результате паники немецкий командующий войсками 42-го корпуса граф Шпонек приказал оставить весь Керченский полуостров. Утром 31 декабря в результате угрожающего положения, сложившегося для немцев в Крыму, атаки немцев на Севастополь были прекращены. Тогда советские войска на Керченском полуострове получили новую задачу. Они должны были не просто отвлечь на себя внимание немцев, а уничтожить всю 11-ю армию немцев в Крыму и снять осаду с Севастополя. Однако добиться этого не удалось.

В поддержку обороняющегося Севастополя на побережье Крыма высадилось и несколько небольших десантов. Судьба десантников сложилась трагически. В первые часы дня 5 января 1942 года в Евпатории высадился усиленный батальон морской пехоты под командованием капитана Г. К. Бузинова.

Также высадились сотрудники НКВД и руководство города. Высадка десанта произошла прямо в порту с борта морских охотников и тральщика «Взрыватель». Десантники захватили центр города, освободили около 200 пленных. В это время в городе вспыхнуло народное восстание против немцев. Однако противник быстро опомнился и на рассвете контратаковал десант. Уже 5 января в 10:00 корабли в море получили сообщение, что десант находится в тяжёлом положении и нуждается в помощи. После этого связь прервалась. Помочь десанту помешал начавшийся шторм — корабли с подкреплениями не могли выйти из Севастополя. Десант продержался в городе ещё трое суток, после чего большинство его участников погибло или попало в плен. Некоторые десантники сумели переодеться и смешаться с местным населением, единицы сумели прорваться из города и присоединиться к крымским партизанам. Всего из десанта выжило не более 100 человек. При попытке помочь десанту в Евпатории погиб тральщик «Взрыватель». Маневрируя у берега под огнём противника, тральщик получил повреждения, лишился хода и был выброшен штормом на берег. Немцы расстреляли тральщик из тяжёлых орудий. Именно на месте гибели тральщика стоит памятник Евпаторийскому десанту. Двое моряков ведут бой, третий, обернувшись к морю, кричит и зовёт на помощь. Но помощь так и не пришла...

Столь же трагическая судьба постигла отвлекающий десант в Судаче, который был высажен 6 января 1942 года. Десантники продержались до 27 января, когда остатки десанта были пленены или ушли в лес к крымским партизанам. Несмотря на неполный успех и трагедию десантов, в результате активных действий советских войск положение 11-й армии Манштейна в Крыму резко осложнилось. Немцы с румынами были вынуждены отказаться от планов взятия города. Второй штурм Севастополя завершился. Однако потерпел неудачу и план нашего командования ударом с Керченского полуострова отрезать и затем уничтожить 11-ю армию немцев в Крыму.

Началась позиционная война, и среди защитников Севастополя началось активное развитие

Эрих Манштейн
Командующий
11-й армией вермахта
в Крыму, генерал пехоты

Советские десанты, декабрь 1941 — январь 1942 года

снайперского движения. Самыми известными снайперами в Севастополе стали Людмила Павличенко из 25-й Чапаевской дивизии и Ной Адамия из 7-й бригады морской пехоты. Людмила Павличенко получила Золотую Звезду Героя Советского Союза и Орден Ленина, и весной 1942 года уехала из Севастополя представлять нашу страну в США. Её главной задачей было рассказать американскому народу о героической битве советского народа, повлиять на общественное мнение в США для того, чтобы Америка поскорее открыла второй фронт военных действий в Европе. Это помогло бы быстрее разгромить нацистскую Германию. Ной Адамия не выез-

Высадка десанта советской морской пехоты в Евпатории 5 января 1942 года

жал из осаждённого Севастополя и всю весну продолжал увеличивать свой счёт убитых врагов.

В феврале 1942 года состоялось награждение героев обороны Севастополя. Боевой дух защитников города был на высоте. Казалось, что после поражения немцев под Москвой наши войска быстро одержат победу. Надежда на это была велика и в Крыму. Уже в январе и феврале 1942 года наши войска из Севастополя и на Керченском полуострове перешли в наступление. Однако все эти операции закончились для нашей армии тяжёлыми поражениями... Враг был ещё очень силен, и до победы было далеко.

Советское поражение под Керчью

В феврале и марте 1942 года советские части на Керченском полуострове начали наступление, имевшее целью разгромить немецкие части, осаждающие Севастополь. Однако после первых успехов наше наступление забуксовало. Раскисшая почва не позволяла эффективно использовать танки. Немецкие минные поля стали серьёзной преградой наступающей пехоте. Туманная погода ограничивала действия авиации и артиллерии, а противник умело оборонялся, нанеся нашим частям тяжёлые потери. К апрелю советское наступление закончилось и целей своих не достигло.

Одновременно началось наступление Приморской армии из Севастополя. Оно должно было отвлечь немцев и ослабить их группировку против наших войск на Керченском полуострове. Однако этого сделать не удалось, пришлось отступить с большими потерями. Успеха не было. Хуже того, в неудачном мартовском наступлении наша артиллерия в Севастополе расстреляла много снарядов, и склады боеприпасов были почти пустые.

Весной 1942 года немцы тоже начали активную подготовку к наступательным действиям. Вторым военным летом они решили наступать не на всем советско-германском фронте, а сосредоточить свои усилия на юге. Начать своё наступление противник планировал именно в Крыму. В связи с этим в Крым была переброшена мощная авиационная группировка, а также новейшие танки Pz IV с длинноствольными орудиями, самоходные установки Мардер и модернизированные штурмовые орудия StuG III. Все они могли поражать советские танки KV и T-34.

Готовясь к штурму Севастополя, немецкая авиация, итальянские и немецкие торпедные катера начали полномасштабную охоту на советские боевые корабли и транспорты, привозившие военные грузы и подкрепления в осаждённый город. К сожалению, немецким ВВС удалось нанести значи-

тельный урон нашим кораблям. Количество грузов, и в первую очередь боеприпасов, доставляемых по морю, сильно упало. Запасы снарядов и мин в Севастополе продолжали оставаться небольшими, для отражения нового штурма их было недостаточно.

Тем временем в мае 1942 года, воспользовавшись улучшением погоды и ослаблением наших войск, 11-я армия Манштейна нанесла удар по советским частям на Керченском полуострове. Немцы тщательно подготовились к этой операции. Назвали они это наступление «Охота на дроф». В первый же день наступления, 8 мая 1942 года, наша оборона была прорвана. Все попытки восстановить положение оказались тщетными. Наши танки, ранее неуязвимые для противника, теперь поражались огнём новых немецких пушек. 11 мая 1942 года при бомбёжке погиб командующий 51-й армией генерал-лейтенант В. Н. Львов. Началась потеря управления и постепенный распад нашей обороны. Представитель Ставки Л. З. Мехлис и другие генералы не справились со своей задачей, приказы отдавались слишком медленно, контрудары наносили слишком поздно. Остановить немецкое наступление не получалось.

К 15 мая немцы вышли к Керчи и прижали отступающие части Приморской армии к морю. Несмотря на приказ Сталина держать Керчь и организовать такую же оборону, как в Севастополе, сделать это не удалось. Началась эвакуация раненых и личного состава. Прикрывали эвакуацию наши стрелковые и пограничные части, уже не имеющие артиллерии и вооружённые только винтовками, пулемётами, автоматами и ручными гранатами. Эвакуация наших войск на Таманский полуостров закончилась рано утром 20 мая 1942 года. Разрозненные советские части сражались весь день, но в целом организованное сопротивление прекратилось. Немцы захватили много трофеев и заявили о взятии

На счету у советского снайпера Людмилы Павличенко 309 убитых солдат и офицеров противника.

большого количества пленных. Часть советских бойцов, не желая сдаваться в плен и не имея возможности переправиться через Керченский пролив, укрылась в Аджимушкайских каменоломнях — больших искусственных пещерах под Керчью. Героическая оборона каменоломен продолжалась несколько месяцев. Немцы засыпали все колодцы в округе, заблокировали или подорвали выходы из каменоломен и начали травить обороняющихся дымом и газами. Почти все защитники каменоломен погибли, но не сдались врагу. Использование отравляющих веществ было запрещено международной конвенцией, и применение газов для уничтожения защитников Аджимушкайских каменоломен было одним из обвинений против нацистов на международном трибунале в Нюрнберге.

Тральщик — корабль специального назначения, задачей которого является поиск, обнаружение и уничтожение морских мин и проводка кораблей (судов) через минные заграждения

Мемориал защитникам Аджимушкайских каменоломен, Керчь

ЗАГОВОР ОТ ПУЛЬ

Автор **Марий Иванив**, с. Либохора, Львовской обл.*

Эту историю, произошедшую с ним в годы Великой Отечественной войны, рассказал мне бывший солдат РККА Тимофей. Фамилию свою он просил не называть.

— В 1944 году меня ранило, — начал свою историю Тимофей. — Я пролежал больше месяца в госпитале, а потом вернулся в часть с незажившей до конца раной. Произошло это как раз перед сражением за Ужгород.

После боя каждый солдат вообще измучен, измят — такое ощущение, будто его тело побывало

* http://paranormal-news.ru/news/zagovor_ot_pul/2017-04-11-13338

в мясорубке. Но мне было совсем плохо: поднялась температура, страшно болела недолеченная в госпитале рука, я почти не мог ею двигать.

Обратился к санитару, рассказал про свою беду, показал рану. Он вскрикнул:

— Да тут такое нагноение пошло, немедленно в госпиталь!

— Может, обойдётся?

— Да ты что, тут серьёзные лекарства нужны.

А у меня ничего нет, кроме перевязочных пакетов.

Что поделаешь, надо идти в полевой госпиталь.

Доложил командиру и попросил, чтобы меня проводил друг и земляк Юрий: у меня поднялся сильный

жар, я боялся потерять сознание. Ходу до госпиталя было минут двадцать.

Проходили мы через какое-то село, названия теперь не помню, а возле калитки одного домика старушка стоит. Мы с ней поздоровались. Она меня спрашивает:

— Что, в госпиталь идёшь?

— Да, — говорю.

— Зайдите в дом, я вас чайком горяченьким напою.

Я и мой друг засомневались. Вроде бы не положено чаи распивать... Но ноги будто сами понесли нас за старушкой.

Бабушка подала нам стулья и разлила по кружкам чай. Такой аромат наполнил комнату, которого в жизни я никогда не ощущал. Подала ещё и два маленьких пирожка. И говорит:

— Сыночки, я знала, что вы будете идти, для вас испекла.

Мы молча переглянулись. Решили, что старушка сумасшедшая. Она правильно истолковала наше неловкое молчание:

— Да-да, знала. Хотите, назову вам номер вашей части?

И действительно назвала! Правда, мы, чтобы не выдать военной тайны, сказали, что она ошиблась. Старушка понимающе улыбнулась:

— Ну раз секрет, пусть будет, что ошиблась.

Потом мне говорит:

— Снимай гимнастёрку, рану тебе полечу, а то и кружку не сможешь скоро держать.

Бабушка промыла рану чёрным, как раствор смолы, чаем, посыпала порошком из трав, пошептала что-то. Никогда в жизни я не поверил бы, что такое возможно, но не прошло и пяти минут, как мне стало легче. Вскоре рана совсем перестала болеть, руку отпустило, я смог ею двигать.

— Ну что, перестало болеть? — спрашивает старушка. И, дождавшись моего кивка, улыбается: — А теперь вставайте, заговорю вас, мальчики, чтоб пуля не брала.

Взяла старушка свечку и стала водить сначала вокруг меня, а потом и вокруг Юры. Что-то шептала при этом. Когда закончила, сказала, что нас больше не ранит, потому как мы уже заговорённые. Рассказала и будущее наше — сколько нам жить, сколько детей будет у нас. Даже имена наших будущих жён назвала. А мне говорит:

— Дочь свою ты должен назвать Софией.

Я кивнул. Потом мы её поблагодарили и спросили имя.

— Вандой, меня звать Вандой, — ответила она.

Выходя из дома, мы ей низко поклонились, ещё раз поблагодарили:

— Большое тебе спасибо, мать Ванда.

— Не за что, и так много душ война забрала, пусть ещё хоть две будут спасены от смерти.

Пошли мы с Юрой обратно. Договорились, что про Ванду никому не будем рассказывать. Всё равно никто не поверит, да и как бы неприятность какая у старушки не вышла.

Пришли в часть, доложили командиру о возвращении. Он спросил, что в госпитале делали. Я ответил, что рану промыли, какой-то мазью смазали и отправили назад. Одного только боялся — как бы командир не заставил санитаров проверить рану. Но ему такая дурь и в голову не пришла.

Сражались мы с Юрой до самого конца войны, и ни разу нас не ранило. Причём несколько раз я слышал, как пуля об моё тело звенит и отлетает. Даже иногда думал: а может, я железный? Точно так же говорил и Юра. Рана моя после лечения бабы Ванды зажила, остался только маленький рубчик, а сначала был шрам чуть ли не на пол плеча.

Пришли мы с фронта, женились. Имена наших жён баба Ванда точно назвала. И с числом детей, как позже выяснилось, угадала. Дочь я, конечно, как обещал, назвал Софией.

Сколько времени прошло с тех пор, бабы Ванды наверняка давным-давно нет. Я уже и сам старый дед, а до сих пор помню аромат того чая и ощущение, когда пуля бьёт в твоё тело.

ЧТО ЕЛИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ*

«Кулеш по рецепту 1943 года»

Мой дед прошёл всю Великую Отечественную Войну, служил в танковых войсках. Когда я был подростком, он очень много рассказывал мне о войне, о быте солдат и т. п. В один из тёплых дней августа он приготовил мне «Кулеш», как он выразился «по рецепту 1943 года» — именно таким сытным блюдом (для очень многих солдат — последним в их жизни) кормили танковые экипажи ранним утром перед одним из величайших танковых сражений II мировой войны — «Битве на Курской дуге»...

А вот и рецепт: Берём 500–600 грамм грудинки на костях.

Срезаем мясо, а косточки бросаем вариться на 15 минут в воду (примерно 1,5–2 литра).

Добавляем в кипящую воду пшено (250–300 грамм) и варим до готовности.

Чистим 3–4 картошки, режем её крупными кубиками и бросаем в кастрюлю.

На сковороде обжариваем мясную часть грудинки с 3–4 мелко порезанными головками репчатого лука и добавляем в кастрюлю, варим ещё минуты 2–3. Получается то ли густой суп, то ли жидкая каша. Вкусное и сытное блюдо...

Безусловно, для того, чтобы перечислить все блюда военного времени, не хватит никакой газетной колонки, поэтому сегодня я расскажу лишь

* Ссылка на статью <https://1941-1945.at.ua/forum/24-345-1>

о самых значимых гастрономических явлениях той великой эпохи.

Мои воспоминания о Великой Отечественной войне (как и у большинства представителей современного поколения, не заставшего военное время) основываются на рассказах старшего поколения. Кулинарная составляющая войны — не исключение.

«Пшённая каша с чесноком»

Для каши нужны пшено, вода, растительное масло, лук, чеснок и соль. На 3 стакана воды берём 1 стакан крупы.

Наливаем в кастрюлю воду, сыплем крупу и ставим на огонь. Поджариваем на растительном масле лук. Как только вода в кастрюле закипит, выливаем туда нашу зажарку и солим кашу. Она ещё минут 5 варится, а мы тем временем очищаем и мелко режем несколько зубков чеснока. Теперь надо снять кастрюлю с огня, добавить в кашу чеснок, перемешать, закрыть кастрюлю крышкой и завернуть в «шубу»: пусть распарится. Такая каша получается нежной, мягкой, ароматной.

«Тыловая солянка»

Пишет Владимир Уваров из Уссурийска: «Данное блюдо часто готовила в лихое время войны и в голодные послевоенные годы моя бабушка, ныне покойная. В чугунок она укладывала равные количества квашеной капусты и очищенной, нарезанной ломтиками картошки. Потом бабушка заливала воду так, чтобы она покрывала капустно-картофельную смесь.

После этого чугунок ставят на огонь тушиться. А за 5 минут до готовности надо добавить в чугунок, поджаренный на постном масле шинкованный лук, пару лавровых листиков, поперчить, если нужно по вкусу, то и посолить. Когда всё готово, надо накрыть посудину полотенцем и дать потомиться с полчаса.

Такое блюдо, уверен, всем понравится. Бабушкин рецепт мы зачастую использовали и в сытные времена и ели эту «солянку» с удовольствием — пусть и не в чугунке, а в обычной кастрюле она тушилась».

«Макаронные «балтийские» по-флотски с мясом»

Со слов соседа-фронтовика-десантника по даче (боевой мужик, в здравом уме, в свои 90 лет по 3 км в день бегают, купается в любую погоду) данный рецепт активно использовался в праздничном меню (по случаю удачных сражений или побед флота) на кораблях Балтийского флота во времена II Мировой войны:

- в одинаковой пропорции берём макаронные изделия и мясо (желательно на рёбрышках), лук (примерно треть от веса мяса и макарон);
- мясо отваривается до готовности и режется кубиками (бульон можно использовать на суп);
- макаронные изделия отвариваются до готовности;
- лук припускают на сковороде до «золотистого» цвета;
- мясо, лук и макаронные изделия смешиваем, выкладываем на противень (можно добавить чуток бульона) и ставим в духовку на 10–20 минут при температуре 210–220 градусов.

«Морковный чай»

Очищенную морковь тёрли на тёрке, сушили и прожаривали (думаю сушили) на противне в духовке с чагой, после чего заливали кипятком. От морковного чая получался сладковатый, а чага давала особый вкус и приятный тёмный цвет.

Салаты блокадного Ленинграда

В блокадном Ленинграде существовали рецептурные брошюры и практические пособия, помогавшие людям выжить в осаждённом городе: «Использование в пищу ботвы огородных растений и заготовка её впрок», «Травяные заменители чая и кофе», «Готовьте из диких весенних растений мучные изделия, супы и салаты» и т. п.

Многие подобные издания, созданные Ленинградским ботаническим институтом, рассказывали не только о том, как готовить определённые травы, но и где их лучше собирать. Приведу пару рецептов того времени.

Салат из щавеля

Для приготовления салата растолочь 100 грамм щавеля в деревянной чашке, всыпать 1–1,5 чайной ложки соли, влить 0,5–1 ложку растительного масла или 3 столовые ложки соевого кефира, после чего размешать.

Салат из листьев одуванчика

Собрать 100 грамм свежих зелёных листьев одуванчика, взять 1 чайную ложку соли, 2 столовые ложки уксуса, если есть, то добавить 2 чайные ложки растительного масла и 2 чайные ложки сахарного песка.

Хлеб войны

Одним из важнейших факторов, помогающих выстоять, защитить свою Родину, наравне с оружием был и остаётся хлеб — мерило жизни. Ярким под-

Фронтной хлеб 1941–1943 гг.

В 1941 г. неподалёку от верховья Волги находился исходный рубеж. Под крутым берегом реки дымили земляные кухни, располагалась санрота. Здесь же в первые месяцы войны создавались земляные (в основном они устанавливались в грунте) хлебопекарные печи. Эти печи были трёх видов:

- обыкновенные грунтовые;
- обмазанные внутри толстым слоем глины;
- облицованные внутри кирпичом.

В них выпекался формовой и подовый хлеб.

Там, где это было возможно, печи делали из глины или кирпича. Хлеб фронтной Москвы выпекался на хлебозаводах и в стационарных пекарнях.

Ветераны московских сражений рассказывали, как в овраге старшина раздавал солдатам горячий хлеб, который привёз на лодке (вроде саней, только без полозьев), запряжённой собаками. Старшина торопился, над оврагом низко пронеслись зелёные, синие, фиолетовые трассирующие ракеты. Неподалёку рвались мины. Солдаты, на «скорую руку» покусав хлеба и запив его чаем, приготовились к повторному наступлению...

Участник Ржевской операции В. А. Сухоставский вспоминал: «После ожесточённых боёв нашу часть весной 1942 г. отвели в деревню Капково. Хотя эта деревня находилась в удалении от боёв, но продовольственное дело налажено было слабо. Для пропитания мы сварили суп, а деревенские женщины принесли к нему хлеб «Ржевский», выпеченный из картофеля и отрубей. С этого дня у нас началось облегчение».

Как готовился хлеб «Ржевский»? Картофель варили, очищали, пропускали через мясорубку. Выкладывали массу на доску, посыпанную отрубями, охлаждали. Добавляли отруби, соль, быстро замешивали тесто и помещали его в смазанные жиром формы, которые ставили в духовку.

Хлеб «Сталинградский»

В Великую Отечественную войну хлеб ценился наравне с боевым оружием. Его не хватало. Ржаной муки было мало, и при выпекании хлеба для бойцов Сталинградского фронта широко использовалась ячменная мука.

Особенно вкусными с применением ячменной муки получались сорта хлеба, приготовляемые на закваске. Так, ржаной хлеб, в состав которого входило 30 % ячменной муки, почти не уступал по качеству чисто ржаному.

Приготовление хлеба из обойной муки с примесью ячменной существенных изменений технологического процесса не требовало. Тесто с добав-

тверждением этому служит Великая Отечественная война.

Прошло много лет и пройдёт ещё немало, будут написаны новые книги о войне, но, возвращаясь к этой теме, потомки не раз зададут вечный вопрос: почему Россия устояла на краю пропасти и победила? Что помогло ей прийти к Великой Победе?

Немалая заслуга в этом людей, которые обеспечивали наших солдат, воинов, жителей оккупированных и блокадных территорий продовольствием, в первую очередь — хлебом и сухарями.

Несмотря на колоссальные трудности, страна в 1941–1945 гг. обеспечивала армию и тружеников тыла хлебом, подчас решая самые сложные задачи, связанные с отсутствием сырья и производственных мощностей.

Для выпечки хлеба обычно использовались производственные мощности хлебозаводов и пекарен, которым централизованно выделялись мука и соль. Заказы воинских частей выполнялись в первоочередном порядке, тем более что для населения хлеба выпекалось немного, и мощности, как правило, были свободными.

Однако случались и исключения.

Так, в 1941 г. для обеспечения воинских подразделений, сосредоточенных на Ржевском направлении, местных ресурсов не хватало, а подвоз хлеба из тыла был затруднён. Для решения проблемы интендантские службы предложили воспользоваться старинным опытом создания напольных жаровых печей из доступных материалов — глины и кирпича.

Для устройства печи необходимы были глинистый грунт с примесью песка и площадка с откосом либо приямок глубиной 70 мм. Такая печь строилась обычно за 8 ч, затем 8–10 ч сушилась, после чего готова была выпечь до 240 кг хлеба за 5 оборотов.

лением ячменной муки получалось несколько более плотным и дольше выпекалось.

«Блокадный» хлеб

В июле-сентябре 1941 г. немецко-фашистские войска вышли к окраинам Ленинграда и Ладожскому озеру, взяв многомиллионный город в кольцо блокады.

Несмотря на страдания, тыл проявил чудеса мужества, отваги, любви к Отчизне. Блокадный Ленинград не был здесь исключением. Для обеспечения воинов и населения города на хлебозаводах было организовано производство хлеба из скудных резервов, а когда они закончились, муку стали доставлять в Ленинград по «Дороге жизни».

А. Н. Юхневич — старейшая работница ленинградского хлебозавода — рассказала в московской школе № 128 на «Уроке Хлеба» о составе блокадных буханок: 10–12 % — это мука ржаная обойная, остальное — жмых, шрот, смётки муки с оборудования и пола, выбойка из мешков, пищевая целлюлоза, хвоя. Ровно 125 г — дневная норма святого чёрного блокадного хлеба.

Хлеб временно оккупированных районов

О том, как выживало и голодало местное население оккупированных территорий в годы войны, невозможно слышать и читать без слёз. Всё продовольствие у людей отнимали фашисты, увозили в Германию. Украинские, российские и белорусские матери страдали сами, но ещё больше — видя мучения своих детей, голодных и больных родственников, раненых солдат.

Чем они жили, что ели — за пределами понимания нынешних поколений. Каждая живая травинка, веточка с зёрнышками, шелуха от мороженых овощей, отбросы и очистки — всё шло в дело. И часто даже самое малое добывалось ценой человеческой жизни.

В госпиталях на оккупированных немцами территориях раненым солдатам давали по две ложки пшённой каши в день (хлеба не было). Варили «затирку» из муки — супчик в виде киселя. Суп из гороха или перловки для голодных людей был праздником. Но самое главное — люди лишились привычного и особенно для них дорогого хлеба.

Меры этим лишениям нет, и память о них должна жить в назидание потомкам.

«Хлеб» фашистских концлагерей

Из воспоминаний бывшего участника антифашистского Сопротивления, инвалида I группы Д. И. Иванищева из г. Новозыбкова Брянской обл.: «Хлеб войны не может оставить равнодушным любого человека, особенно того, кто испытал на себе

страшные лишения в период войны — голод, холод, издевательства.

Мне волею судьбы пришлось пройти многие гитлеровские лагеря и концлагеря. Уж мы-то, заключённые концлагерей, знаем цену хлеба и преклоняемся перед ним. Вот и решил сообщить кое-что о хлебе для военнопленных. Дело в том, что гитлеровцы выпекали для русских военнопленных особый хлеб по особому рецепту.

Назывался он «остен-брот» и был утверждён имперским министерством продовольственного снабжения в рейхе (Германия) 21 декабря 1941 г. «только для русских».

Вот его рецепт:

- отжимки сахарной свёклы — 40 %;
- отруби — 30 %;
- древесные опилки — 20 %;
- целлюлозная мука из листьев или соломы — 10 %.

Во многих концентрационных лагерях военнопленным не давали и такого «хлеба».

Хлеб тыловой и фронтной

По заданию правительства было налажено производство хлеба для населения в условиях огромного дефицита сырья. Московский технологический институт пищевой промышленности разработал рецепт рабочего хлеба, который специальными приказами, распоряжениями, инструкциями доводился до руководителей предприятий общественного питания. В условиях недостаточной обеспеченности мукой при выпечке хлеба широко использовались картофель и другие добавки.

Хлеб фронтной часто выпекался под открытым небом. Солдат шахтёрской дивизии Донбасса И. Сергеев рассказывал: «Я скажу о боевой хлебопекарне. Хлеб составлял 80 % всего питания бойца.

Если не было возможности делать за жарку, закладывали так. По мере готовности гороха добавлялась картошка, затем за жарка и в последнюю очередь закладывалась тушёнка.

«Макаловка» Вариант № 1 (идеальный)

Замороженную тушёнку очень мелко резали или крошили, на сковороде жарили лук (при наличии можно добавить морковь), после чего добавляли тушёнку, немного воды, доводили до кипения. Ели так: мясо и «густерню» делили по количеству едоков, а в бульон по очереди макали кусочки хлеба, поэтому блюдо так называется.

Вариант № 2

Брали жир или сырое сало, добавляли в жареный лук (как в первом рецепте), разбавляли водой, доводили до кипения. Кушали так же, как в первом варианте.

Рецепт по первому варианту мне знаком (пробовали для разнообразия в походах), но его назва-

ние и то, что он был придуман во время войны (скорей всего раньше), мне и в голову не приходило.

Николай Павлович отметил, что к концу войны кормить на фронте стали лучше и сытнее, хотя, как он выразился, «то пусто, то густо», с его слов — бывало, что по несколько дней еду не подвозили, особенно во время наступления или затяжных боёв, а затем раздавали положенный за прошедшие дни паёк

Дети войны

«Война была жестокая, кровавая. Горе пришло в каждый дом и каждую семью. Уходили на фронт отцы, братья, а ребяташки оставались одни», — делится воспоминаниями А.С. Видина. — «В первые дни войны им хватало на пропитание. А потом они

Как-то нужно было дать хлеб полкам в течение четырёх часов. Въехали на площадку, расчистили глубокий снег и тут же, среди сугробов, на площадке сложили печь. Затопили, просушили её и выпекли хлеб.

Сушёная распаренная вобла

Мне бабушка рассказывала, как они ели сушёную воблу. Для нас это рыбка, предназначенная под пивко. А бабушка говорила, что воблу (тарань её называли почему-то), тоже выдавали по карточкам. Была она ооочень пересушенной и оооочень солёной.

Клади рыбку, не очищая, в кастрюльку, заливали кипятком, закрывали крышкой. Рыбка должна была стоять до полного остывания (наверное, лучше делать с вечера, а то не хватит терпения). Затем варилась картошка, доставалась из кастрюльки рыбка, распаренная, мягкая и уже не солёная. Чистили и с картошечкой ели. Я пробовала. Бабушка как-то сделала разок. Знаете, и вправду вкусно!

Гороховый суп

С вечера заливали в котле горох водой. Иногда горох заливали вместе с перловой крупой. На следующий день горох перекладывали в военно-полевую кухню и варили. Пока варился горох, в кастрюле на сале пережаривали лук и морковь.

вместе с матерью ходили собирали колоски, гнилую картошку, чтобы как-то прокормиться. А мальчишки большей частью стояли у станков. Они не доставали до рукоятки станка и подставляли ящики. По 24 часа в сутки делали снаряды. По-рой и ночевали на этих ящиках».

Дети войны очень быстро возмужали и стали помогать не только родителям, но и фронту. Женщины, оставшиеся без мужей, всё делали для фронта: вязали варежки, шили нательное бельё. Не оставали от них и дети. Они посылали посылки, в которые вкладывали свои рисунки, рассказывающие о мирной жизни, бумагу, карандаши. И когда солдат получал такую посылку от детей, он плакал... Но это и вдохновляло его: солдат с удвоенной энергией шёл в бой, в атаку бить фашистов, отнявших детство у малышей.

Бывший завуч школы № 2 В.С. Болотских рассказала, как их эвакуировали в начале войны. В первый эшелон она с родителями не попала. Позже все узнали, что он был разбомблён. Со вторым эшелонем семья эвакуировалась в Удмуртию. Валентина Сергеевна рассказала, каким было любимое блюдо детей войны: «В кипящую воду запускали натёртую нечищеную сырую картошку. Эта была такая вкуснятина!»

И ещё раз о солдатской каше, еде и мечтах...

Воспоминания ветеранов Великой Отечественной Войны:

Г. Кузнецов: «Когда я пришёл 15 июля 1941 г. в полк, то наш повар, дядя Ваня, за сбитым из досок столом, в лесу, накормил меня целым котелком гречневой каши с салом. Ничего вкуснее не едал».

И. Шило: «В войну я всегда мечтал о том, что наемся вдоволь чёрного хлеба: его тогда всегда не хватало. А ещё два желания было — отогреться (в солдатской шинельке около пушки всегда было промозгло) да выспаться».

В. Шиндин, председатель Совета ветеранов Великой Отечественной войны: «Из фронтовой кухни навсегда останутся самыми вкусными два блюда: гречневая каша с тушёнкой и макароны по-флотски».

* * *

Близится главный праздник современной России. Для поколения, знающего Великую Отечественную только по фильмам, она ассоциируется больше с пушками и снарядами. Я же хочу вспомнить главное оружие нашей Победы.

Во время войны, когда голод был столь же привычен, как смерть и несбыточная мечта о сне, а бесценным подарком могла служить самая ничтожная в сегодняшнем представлении вещь — кусок хлеба, стакан ячменной муки или, к примеру, куриное яйцо, еда очень часто становилась эквивалентом человеческой жизни и ценилась наравне с боевым оружием...

Погиб товарищ

Автор Всеволод Николаевич Лобода

Во вражьем стане цели он разведдал,
Мечтал о встрече с милой над письмом,
Читал статью про скорую победу,
И вдруг — разрыв, и он упал ничком.

Мы с друга окровавленного сняли
Осколком просверлённый партбилет,
Бумажник, серебристые медали.
А лейтенанту было двадцать лет...

Берёт перо, согбен и озабочен,
Бумажный демон, писарь полковой.
О самом страшном пишет покороче
Привычною, недрогнувшей рукой.

Беду в письмо, выплёскивая разом,
Он говорит: «Ведь надо понимать,
Что никакой прочувствованной фразой
Нельзя утешить плачущую мать».

Она в слезах утопит своё горе,
Покуда мы, крещённые огнём,
Врага утопим в пенящемся море,
На виселицу Гитлера сведём.

И женщина инстинктом материнским
Отыщет сына дальние следы
В Курляндии, под елью исполинской,
На скате безымянной высоты.

Седая мать увидит изумлённо
На зелени могилы дорогой
Венок лугов, как яркая корона.
Возложенный неведомой рукой.

Блеснут в глазах цветы, ещё живые,
От латышей — сынку-сибиряку...
И гордость вспыхнет в сердце и впервые
Перехлестнёт горячую тоску.

1944

Всеволод Николаевич Лобода родился в 1915 году в Киеве. Его отец — преподаватель русского языка и литературы, мать окончила консерваторию и была оперной певицей. Любовь к литературе проявилась у Всеволода ещё в детстве. В десять лет он писал стихи, сочинял рассказы. В 1930 году Лобода окончил среднюю школу, переехал в Москву и вскоре поступил учиться в фабрично-заводское училище Щёлковского учебно-химического комбината. В это же время Всеволод начал печататься. В 1932–1934 годах на Мытищинском вагоностроительном заводе Всеволод Лобода редактировал газету-многоотиражку «Кузница». С сентября 1934 года он работал в журнале «Высшая техническая школа». В 1935 году Лобода поступил в Литературный институт имени Горького. В последующие годы сотрудничал в журналах «Литературная учёба» и «Костёр», выступал со стихами, писал статьи.

В первые месяцы войны Лобода работал на радио, а осенью 1941 года ушёл на фронт. Был пулемётчиком, артиллеристом, воевал под Ленинградом и Старой Руссой, под Великими Луками и в Прибалтике. Служил в 150-й стрелковой Идрицкой дивизии. Одно время работал в дивизионной газете. В годы войны не переставал писать стихи, которые печатались в дивизионной многоотиражке или хранились в записных книжках друзей. Всеволод Лобода был тяжело ранен 18 октября 1944 года в Латвии, неподалёку от города Добеле в Прибалтике, при прорыве обороны на реке Айвиексте. Умер от ран 28.10.1944 Латвийская ССР, Елгавский уезд, Залукская вол., х. Глуда. Захоронен в Латвии, Добельский район, Берзес вол., п. Шкибе.

Двое

Автор Алексей Александрович Сурков

Их было двое. Враг их окружал,
Один, крича и плача побежал.
Четыре вспышки выстрелом блеснули,
И в спину беглеца впились четыре пули,

Другой боец не отступил ни шагу.
Он встретил в лоб орущую ватагу.
Поднялся в рост над рыжим бугорком,
Спружинил мышцы сильные упруго,

Разил гранатами, колол штыком
И вырвался из замкнутого круга,
Десятерых на месте уложив.
Он жизнь любил. И он остался жив.

Западный фронт. 1941

Алексей Александрович Сурков появился на свет 13 октября 1899 года в селе Середнево, в обычной крестьянской семье. Уже с двенадцати лет он начал зарабатывать — работал в мебельном магазине учеником, в типографии, в столярных мастерских, в конторе, вековщиком в торговом порту Петрограда.

В 1918 году добровольцем ушёл в РККА, участник Гражданской войны и Польского похода. Служил до 1922 года пулемётчиком, конным разведчиком; участвовал в боях на Северо-Западном фронте и против повстанцев А. С. Антонова. По окончании гражданской войны, вернулся в родную деревню.

В 1922–1924 годах работал избачом — работником избы-читальни в соседнем селе Волково, секретарём воллисполкома, политпросвет организатором, селькором в уездной газете. В 1924 году его стихи опубликовала газета «Правда». Член ВКП(б) с 1925 года. 11 октября 1925 года был делегатом I Губернского съезда пролетарских писателей. В 1924–1926 годах первый секретарь Рыбинской организации комсомола.

С 1925 года селькор только что созданной губернской газеты «Северный комсомолец», а в 1926–1928 годах — её главный редактор. При нём газета увеличила тираж в два раза, стала выходить дважды в неделю вместо одного, к работе активно привлекались юнкоры, по его инициативе появилась рубрика «Литературный уголок», в которой помещались стихи и рассказы читателей, при редакции была создана литературная группа.

В 1941–1945 годах Сурков был военным корреспондентом фронтовой газеты «Красноармейская правда» и спецкором газеты «Красная звезда», также работал

в газете «Боевой натиск». Участвовал в обороне Москвы, воевал в Белоруссии.

Сам поэт, пройдя ещё гражданскую войну, не боялся смерти, смело глядя ей в лицо. Сохранились воспоминания его друзей, которые свидетельствуют о необыкновенном мужестве Суркова.

27 ноября 1941 года под Истрой Сурков попал в окружение на командном пункте. Когда он смог всё-таки выбраться из землянки и добраться до своих, то вся его шинель оказалась посечённой осколками. Тогда он сказал: «Дальше штаба полка не сделал ни шага. Ни единого... А до смерти — четыре шага»; после этого оставалось только дописать: «До тебя мне дойти нелегко...» Вернувшись в Москву, он написал своё знаменитое стихотворение «В землянке» (вскоре ставшее песней) и отослал его текст жене (которая тогда вместе с дочерью находилась в эвакуации в городе Чистополь) в солдатском письме-треугольнике.

Автор текстов известных патриотических песен «Песня смелых» (музыка В. А. Белого, 1941), «В землянке» («Бьётся в тесной печурке огонь...»; музыка К. Я. Листова, 1941), «Песня защитников Москвы» (музыка Б. А. Мокроусова, 1942), «Ни шагу назад» (музыка Т. А. Кулиева, 1942) и других. За годы войны издал сборники стихов «Декабрь под Москвой», «Дороги ведут на Запад», «Солдатское сердце», «Наступление», «Стихи о ненависти», «Песни гневного сердца» и «Россия карающая». По результатам командировки издал в 1944 году книгу очерков «Огни Большого Урала. Письма о советском тыле». В том же году участвовал в обсуждении проекта нового Гимна СССР. В 1944–1946 годах ответственный редактор «Литературной газеты». В июне 1945 года посетил Берлин, Лейпциг и Радебойль, а затем Веймар; по материалам поездки написал сборник стихов «Я пою Победу». Окончил войну в звании подполковника (1943). В 1945–1953 годах — ответственный редактор журнала «Огонёк». В 1950-х годах — ректор Литературного института им. А. М. Горького. С 1962 года главный редактор «Краткой литературной энциклопедии». Преподавал в Литературном институте, издавал стихи русских и советских поэтов. Член редколлегии «Библиотеки поэта». Сурков Алексей Александрович, творчество которого включает в себя около 20 поэтических сборников, огромное количество литературно-критических статей, достиг настоящей славы. Ему присвоили звание Героя социалистического труда, он был Лауреатом двух Сталинских премий.

Алексею Суркову посвящено одно из самых знаменитых и самых проникновенных стихотворений Великой Отечественной войны «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины», написанное Константином Симоновым в 1941 году.

Скончался поэт, достигнув 83-летия — 14 июня 1983 года. Был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Мы

Автор **Николай Майоров**

*Это время трудновато для пера.
В. Маяковский*

Есть в голосе моём звучание металла.
Я в жизнь вошёл тяжёлым и прямым.
Не всё умрёт. Не всё войдёт в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.
Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы –
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жён!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображён.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочтаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперёд, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатога плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень твёрд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжёл, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.

И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

1940

Николай Майоров родился в деревне Дуровка Сызранского уезда Симбирской губернии в крестьянской семье. С десяти лет жил в городе Иваново. Учился в школе № 35, ныне — лицей № 33. В 1937 году поступил на исторический факультет Московского государственного университета. С 1939 года одновременно учился в Литературном институте им. М. Горького, занимался в поэтическом семинаре Павла Григорьевича Антокольского.

Когда началась Великая Отечественная война вместе с другими студентами отправился рыть окопы в районе Ельни. 18 октября 1941 года, не доучившись, ушёл добровольцем на фронт в гвардейских частях. Был помощником политрука пулемётной роты 1106-го стрелкового полка 331-й стрелковой дивизии. Попал в часть под Москвой как раз во время декабрьского наступления. И буквально в одном из первых боёв погиб...

Погиб 8 февраля 1942 года в бою у деревни Баранцево (Гагаринский район Смоленской области). Был похоронен в братской могиле на месте боёв. В середине 1950-х останки были перезахоронены в селе Карманово, Гагаринского района, Смоленской области (братская могила № 4).

Несколько стихотворений опубликовано за время его учёбы в газете «Московский университет». Две поэмы, написанные им в 1939 и 1940, не сохранились. Большинство рукописей, очевидно, утеряно вместе с чемоданом, отданным на сохранение в начале войны. Сохранившиеся стихотворные произведения были опубликованы посмертно.

Партизанка

Автор **Степан Петрович Щипачёв**

Убили партизанку на рассвете.
Две ночи длились пытки и допрос.
Прощаясь, трогал подмосковный ветер
На лбу девическую прядь волос.

Исколотую прусскими штыками,
В разрушенном селеньи, на краю,
Мы подняли солдатскими руками,
Россия, дочь, любимую твою.

В снежинках всю её мы положили
В избе просторной посреди села.
Ещё о ней мы песен не сложили,
Но жизнь её — вся песнею была.

25 марта 1942 года, «Правда», СССР

Степан Петрович Щипачёв (26 декабря 1898 (7 января 1899), д. Щипачи, Камышловский уезд, Пермская губерния, Российская империя — 1 января 1980, Москва) — советский поэт, лауреат двух Сталинских премий (1949, 1951).

Родился Степан Щипачёв в 1899 году в семье бедного крестьянина из деревни Щипачи Камышловского уезда Пермской губернии. Он был младшим ребёнком в семье. Когда умер его отец, Степану едва исполнилось четыре года. Вместе с бабушкой он ходил по соседским дворам собирать милостыню. Став постарше, пошёл работать: нанимался батраком на сезонные работы, служил на приисках и в лавке скобяных изделий. В 1917 году Щипачёв вступил в ряды Красной Армии. В 1921 г. окончил военную школу, после чего некоторое время преподавал военным общественное образование. Параллельно он увлёкся литературной работой, служил редактором журнала «Красноармеец», писал стихи, к чему с юных лет имел большую склонность. В начале 1930-х годов Степан Щипачёв получил литературное образование. И с тех пор занимался исключительно литературной деятельностью.

В Великую Отечественную войну Щипачёв — во фронтовой газете «За Родину», затем в журнале «Красноар-

меец», выезжал в действующую армию. Его творчество было оценено советским руководством: поэт получил Сталинскую премию 2-й (1949) и 1-й степени (1951, за поэму «Павлик Морозов»), орден Ленина, 2 ордена Трудового Красного Знамени, 2 ордена Красной Звезды, орден Дружбы народов, ряд медалей.

В последние годы жизни Щипачёв отметил, подписав открытое письмо группы известных советских писателей в связи с «антисоветскими действиями и выступлениями А. И. Солженицына и А. Д. Сахарова» (опубликовано в газете «Правда» 31 августа 1973 года).

Солженицыну посвящены и его строки в «Литературной газете» от 20 февраля 1974 под заголовком «Конец литературного власовца»:

«Мы не слышали от Солженицына ни одного слова в осуждение преступной фашистской хунты в Чили, в осуждение наглаголющего фашизма в других странах, но сколько чёрных слов находит он, чтобы принизить, оболгать нашу страну, являющуюся светом, надеждой человечества, чтобы забросать грязью её славу, её идеалы. Считаю правильным решение о выдворении Солженицына за пределы нашей Родины».

Степан Щипачёв умер 1 января 1980 года в Москве, похоронен на Кунцевском кладбище в Москве.

СОБАКА-МИНЁР НА КИТЕЛЕ СТАЛИНА

21 марта 1945 года за успешное выполнение боевых заданий по поиску и разминированию Джульбарс был награждён медалью «За боевые заслуги». Это единственный случай за время войны, когда собака удостоилась боевой награды.*

Оказывается, собака Джульбарс была очень знаменитой в годы войны, буквально геройская собака. В Центральном архиве Минобороны хранится справка, в которой сообщается, что собака минно-розыскной службы по кличке Джульбарс, служила в составе 14-й штурмовой инженерно-сапёрной бригады.

Она, в период с сентября 1944 года по август 1945 года, принимая участие в разминировании на территории Украины, Румынии, Чехословакии, Венгрии и Австрии, обнаружила 7468 мин и более 150 снарядов.

21 марта 1945 года за успешное выполнение боевых заданий по поиску и разминированию Джульбарс был награждён медалью «За боевые заслуги». Это единственный случай за время войны, когда собака удостоилась боевой награды.

В мае 1945 года, при разминировании могилы Т.Г. Шевченко в городе Канев на Украине, Джульбарс

* Ссылка на статью <https://slavradio.org/articles/kak-skazyvali-nashi-dedy/sobaka-miner-na-kitele-stalina/>

1941–1945 ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЭПОПЕЯ ВРАГ НАСТУПАЕТ*

Трагедия Ленинграда, где погибло около миллиона человек, не была, однако, похожа ни на одну из трагедий этой войны. В Ленинграде немцы в сентябре 1941 г. окружили блокадой и обрекли на голодную смерть почти три миллиона человек. Почти одна треть их умерла, но не сдались немцам! В сентябре 1941 г. три миллиона человек были заперты немцами в ловушку; никогда ещё большой город не переживал того, что пришлось пережить зимой 1941/42 г. Ленинграду.

В Ленинграде было известие о том, что 22 июня 1941 г. немцы вторглись на территорию Советского

* Отрывок из книги А. Верт «Россия в войне 1941–1945. А.В. Карасев, цит. соч., стр. 99. Д.В. Павлов, Ленинград в блокаде, М., 1951, стр.15–16, 19.

Союза, вызвало волну народных митингов, и в течение последующих двух недель огромное число ленинградцев добровольно вступила в части народного ополчения. Только на большом Кировском заводе 15 тысяч мужчин и женщин подали заявления о немедленном зачислении их на военную службу. Не все заявления могли быть удовлетворены, поскольку Кировский завод должен был выпускать военную продукцию. Поэтому от создания пятнадцати рабочих дивизий, как предусматривалось планом, пришлось отказаться, и 4 июля было решено ограничиться — до получения новых указаний — лишь тремя ополченскими дивизиями. Первая добровольческая дивизия была отправлена на фронт уже 10 июля; за ней через несколько дней отправили вторую и третью. Военная подготовка, прохо-

дившая на главных площадях Ленинграда, длилась всего несколько дней. Три дивизии народного ополчения были спешно отправлены на Лужскую оборонительную линию которую обороняли всего лишь три стрелковые дивизии и слушатели двух военных училищ, также, в срочном порядке переброшенные сюда из Ленинграда. К 14 июля немцам уже удалось создать севернее Луги, на правом берегу реки Луги, большой плацдарм, откуда они и начали развивать дальше наступление на Ленинград.

Положение было крайне тяжёлое, и это прямо признавалось в приказе Военного совета Северо-Западного направления от 14 июля, подписанном главнокомандующим К. Е. Ворошиловым и секретарём ленинградской партийной организации А. А. Ждановым.

В приказе говорилось, что каждый, кто оставит фронт без приказа, будет предан суду военно-полевого трибунала, который может приговорить виновного к расстрелу, «независимо от ранги и старые заслуги».

К концу июля и началу августа на строительстве оборонительных сооружений было занято почти миллион человек: «Люди самых различных профессий — рабочие, служащие. Учащиеся, домашние хозяйки, учёные, артисты, студенты — взяли в руки лопаты, кирки, топоры. Они... с раннего утра до поздней ночи трудились, часто находясь под огнём противника»

Немцы достигли Лужской оборонительной линии, проходившей в 125 км к югу от Ленинграда через три недели, но потом, чтобы достичь окраины города, потратили ещё полтора месяца. Это говорит о том, что строительство оборонных рубежей сыграло важную роль в спасении Ленинграда.

Сосредоточив огромное количество танков и самолётов юго-западнее и юго-восточнее Ленинграда, немцы рассчитывали взять город штурмом. Несмотря на отчаянное сопротивление советских войск, немецкие войска прорвались к южному берегу Ладожского озера. Они захватили значительный отрезок левого берега Невы, включая Шлиссельбург, однако форсировать реку не смогли. Не менее отчаянным было положение южнее и юго-западнее города; немцы прорвались к финскому заливу всего в нескольких километрах к юго-западу от Ленинграда и упорно старались пробиться на участках Колпино и Пулковое, всего в 20 км к югу от Ленинграда. Однако Красная Армия удерживала широкий плацдарм у Ораниенбаума, напротив Кронштадта и к западу от того места, где немцы достигли залива. На севере финны 4 сентября заняли бывшую пограничную станцию Белоостров, в 30 км к северу от Ленинграда, но на следующий же день были выбиты оттуда.

Уже 20 августа на заседании партийного актива Ленинграда Ворошилов и Жданов признали, что положение чрезвычайно серьёзное.

На следующий день было опубликовано знаменитое обращение Военного совета фронта, горкома партии и Ленинградского Совета депутатов-трудящихся к населению Ленинграда:

«Встанем, как один, на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы. Выполним наш священный долг советских патриотов и будем неукротимы в борьбе с лютым и ненавистным врагом, будем бдительны и беспощадны в борьбе с трусливым врагом, паникёрами и дезертирами, установим строжайший революционный порядок в нашем городе. Вооружённые железной дисциплиной, большевистской организованностью... встретим врага и дадим ему... отпор.»

«Если всё же неприятелю и удалось бы ворваться в город, то и на этот случай был детально разработанный план уничтожения войск противника. Заводы, мосты, общественные здания были заминированы и... груды камня и железа обрушились бы на головы вражеских солдат, завалы преградили бы путь их танкам. Гражданское население, не говоря уже о солдатах и матросах, было подготовлено к уличным боям. Идея борьбы за каждый дом не была актом самопожертвования, а стала целью уничтожения вражеской армии. И как подтвердил позднее опыт Сталинграда, упорное сопротивление большого города может привести к поражению сильнейшей группировки противника.»

Кочерыжки спасли в блокаду*

Объявление войны застало нашу семью на даче в Парголово. Это я помню из рассказа родителей. Отец, Бакастов Григорий Сергеевич, до войны работал в институте ГИПРО ХИМ на опытных работах по изготовлению каучука. На этой вредной работе он получил инвалидность по заболеванию лёгких. В силу этого он не был призван на фронт и всю войну служил на Комендантском аэродроме.

О нашей эвакуации. Пытались нас с мамой, Верой Сергеевной, эвакуировать, но в Гатчине, якобы, был разбит эшелон с людьми, и эвакуация была отложена. После этого вышло негласное постановление о том, что определённое количество взрослых должны прокормить определённое количество малышей. В данном случае четверо взрослых должны прокормить двоих малышей — Люсю 1937 г. р., и Геню 1939 г. р.

В нашей семье всё сложилось на редкость удачно: — Бабушка, Иринья Васильевна, в то время, когда взрослые находились на работе, занималась нами, отоваривала карточки, всё делала по хозяйству для взрослых.

— Анастасия Сергеевна — сестра отца 1906 г. р. работала на Финляндском вокзале, ходя ежедневно туда и обратно пешком, а в 1946 году простудилась, заболела воспалением лёгких и умерла.

* Русский инвалид. № 1 (205) 2014. С. 14–17.

Вера Сергеевна — мама 1907 г. р. работала на кондитерской фабрике им. Микояна, где во время войны точили снаряды, а после войны снова начали выпускать конфеты. Проработала до самой пенсии.

— Григорий Сергеевич — папа 1907 г. р. до конца войны служил на Комендантском аэродроме, а после войны был управхозом всего жилого комплекса дома 37 по Лесному проспекту, состоящему из 6-ти корпусов больше 100 квартир в каждом, ясли, детский сад, Выборгский универмаг. Ему приходилось восстанавливать жизнеспособность комплекса и расселять людей по своим квартирам после возвращения с войны.

Я помню, как иногда отец приходил домой с винтовкой, приносил что-нибудь от своего пайка, мы всегда ждали его. Стёкла на окнах от бомбёжек были заклеены газетными полосками крест-накрест, а в тёмное время года заделаны чёрной бумагой. Отец щёлкал для меня курком и затвором винтовки, направив её к стене.

До войны и позже мы жили в том же доме 37 в 1-м корпусе на первом этаже. Во дворе в то время были заготовлены клетки метровых полуполен дров. В каждой кухне была дровяная плита, а в комнате отец сложил ещё одну печь для обогрева.

К самой суровой зиме дрова закончились и нас переселили на Земледельческий пустырь, где было несколько одноэтажных оштукатуренных розовых барачков. На всю жизнь запомнилось откровение отца, сказанного, между прочим. Поздней осенью, накануне самой суровой зимы батя организовал

серию походов на поля совхоза «Ручьи» с мешками за кочерыжками, которые остались после снятия основного урожая. Засолили две 200-литровые бочки, которые спасли людей в самое суровое время блокады. Это была мудрая и благотворительная идея, а я был просто потрясён, когда услышал это, между прочим.

И вот весенний, солнечный день, на крыльце барака патефон, на пластинке песня в исполнении Руслановой «Будьте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дома, до хаты». Мы вернулись на свою квартиру после снятия блокады.

Может быть в это время мама водила нас в баню на угол Белоостровской и Земледельческой улиц. Однажды зимой мы шли по длинной Белоостровской улице с Лесного проспекта. Меня мама несла на руках, а Люсю везла на саночках. Она, видимо, замёрзла и говорит: «Мама брось его противного в канаву, возьми меня на ручки». Люся постарше и возможно она и видела или слышала что-то страшное, что казалось ребёнку обыденным в это жуткое время.

Помню, как нас малышей обмазывали какой-то серой вонючей мазью перед горячей печкой с открытой дверцей и поворачивали кругом, чтобы мазь растаяла.

Дома мама часто вычёсывала вшей и гнид на бумагу, и разрешала щёлкать их расчёской.

Во время блокады запахи, которые нас окружали, были особой смесью гнилья тухлого и прокисшего. Даже в 70-е годы в центре города из подвалов доносились точные букеты этих за-

пахов и вдруг переносили меня в эти мрачные времена.

Помню, как на Лесном у Литовского моста долгое время стоял длинный зелёный трамвай «американка», в который наверняка попала бомба или кончилось электричество.

Я прекрасно помню тот день, когда по Лесному проспекту шли наши победители. Я видел усталых людей неопределённого возраста с землистым цветом лица в выгоревших гимнастёрках, все они были одинаковы.

Сразу после войны в городе работало очень много пленных немцев. В наших краях это кирпичная оштукатуренная стена справа по Лесному проспекту на повороте к Военно-медицинской академии, стоит до сих пор, корпуса студенческого городка Политехнического института на Кантемировской улице, двух и трёхэтажные дома по проспекту Энгельса в сторону Скобелевского.

В нашем дворе немцы загружали в подвалы картофель на хранение. В обед они сидели на брёвнах, отдыхали, играли на губных гармошках. Люся и другие дети не боялись их, задавали вопросы — как что будет по-немецки? Это дало неожиданные результаты. После окончания техникума Лёгкой промышленности, и отработав три года на периферии, Людмила поступает в университет, заканчивает факультет иностранных языков и обретает свою долгожданную профессию, и до сих пор работает переводчицей с трёх языков.

Многие догмы того времени, которые часто звучали из уст родителей и других взрослых на всю жизнь вошли в суть нашего характера. — Оставь на завтра! Уже в том возрасте мы привыкли терпеть голод ради завтрашнего дня, и это перешло в свойство организма. Я, даже будучи взрослым, часто не мог доесть до конца нормальную порцию — вдруг наступает пресыщение и на тарелке остаётся 1/3 порции, и я не могу ничего с собой поделаться.

— Не бери, что не тобой положено! Этим оберегали нас от разных неожиданностей того времени и это осталось в характере на всю жизнь. В послевоенное время старшие ребята и заставляли нас участвовать в их авантюрах, но не у всех это пришло.

Бабушка, Иринья Васильевна, оставалась с нами в то время, когда взрослые были на работе, и мы начинали «домовничать». Она доставала свои ключики (от нас закрывали продукты), открывала шкаф и первым делом выпускала маленькую серенькую мышку, и мы кормили её в первую очередь, чем могли.

Ещё её милосердие проявлялось во внимании к страждущим. У нас во дворе жил парень лет 20-ти он страдал даутизмом и не мог говорить, только мычал.

После очередного похода за дровами или выноса мусора она обязательно приводила его на кухню, поила чаем и разговаривала с ним, а он её понимал. Я очень проникся этим и в течение

Люся и Геня Бакастовы, 2012 г.

жизни постоянно находился рядом со страждущими.

Во дворе я был лучшим другом Володе Мирову, который в 5-м классе потерял под трамваем ногу. Он стал никому не интересен, а многие над ним даже смеялись и дразнили. В ремесленном училище моим лучшим другом был Саша Лавренюк, который сильно заикался и не имел друзей.

До последнего времени в течение нескольких лет я не мог не помогать моему коллеге по работе, который, оказывается, с детства был инсулинозависимым, но никто из сотрудников об этом не знал, пока он не вышел на пенсию и не открылся мне. Какое мужество!

Совсем недавно я поздравлял своего приятеля, тоже блокадника, как оказалось преуспевающего и ещё работающего. Он в разговоре спросил меня, не нужна ли мне какая-нибудь помощь или поддержка. Я поблагодарил и сказал, что ни в чём остро не нуждаюсь, на что он ответил: «Ну, что же, слава Богу, хоть одному помогать не нужно». Я понял, что он также, как и многие люди того времени до сих пор несёт в себе чувство сострадания и взаимовыручки.

Семья Бакастовых, 1947 год

ХОЧУ ДОЖИТЬ ДО КОНЦА ВОЙНЫ*

Автор Максимов Владимир Александрович

1 июня 1942 г.

По привычке я проснулся рано — часа в 4. Хотя здесь это всё относительно: всю ночь можно читать. Свежий ветер гулял по комнате. Для полноты комфорта не хватало одного: нельзя было закинуть руки за голову — «сквозное пулевое ранение мягких тканей левого надплечья» — всё ещё даёт о себе знать. Невольно я вспомнил утро 1 мая — месяц тому назад я проснулся под сосной, где выбрал местечко, не покрытое снегом. Был такой же розовый восход, морозило. Мороз, неожиданно нагрянувший 1 мая, давал чувствовать себя всю ночь. Вылезши из-под плащ-палатки я с удивлением увидел, что штаб бригады, среди которого я спал, куда-то откочевал. Я попрыгал, потряс руками, нацепил на шею автомат и полез по склону сопки — разыскивать своих. Было удивительно тихо. Невольно вспомнилась прошедшая ночь и, по ассоциации, первомайская ночь 1941 г. В то самое время, когда Мартинсон отплясывал в доме ИТР, в 1942 г я лежал под спиленной сосной и с напряжённым интересом всматривался в светлое небо. Там кружил немецкий самолёт. Время от времени (через несколько минут, но мне-то казались эти промежутки длинными) под фюзеляжем вспыхивал свет и с противным свистом летела бомба. Совсем близко раздавался негромкий взрыв, за ним — стоны и т.п. В общем, случайно нас нащупали. В 1941 г. я злился на то, что Зина, не желая семейных осложнений, не пришла на вечер. В 1942 г. я злился на себя, на людей, которые после каждого взрыва начинали бегать, на самолёт, а больше всего испытывал некоторую неуверенность в том, что утро 1 мая застанет меня в живых.

Госпитальные дни похожи один на другой. Я купаюсь в непередаваемом ощущении благополучия: чистое бельё, хорошая погода, прогулки в саду (за палисадником широкая-широкая Двина), можно мыться хоть 10 раз в день. Нечто подобное я испытывал в своё время, когда входил в каюту I класса на волжском пароходе или в купе международного вагона. Налезишься под солнцем в саду, выставив на общественный просмотр свою заплатанную спину (у меня над лопаткой две наклейки — по числу дыр) и бредёшь в палату; а в палате — прохладно, чисто,

Владимир Максимов. Фото 19 августа 1944 г.

свежо. Можно улечься на кровать и лениво читать. А читаю я сразу несколько книг: сейчас, например, я читаю Мамина-Сибиряка, Анатоля Франса и ещё «Историк — марксист» — статью об абсолютизме в политике Генриха IV (этого короля я ещё по Дюма люблю). Такой винегрет и ненасытность в чтении понятны. Ведь я 5 месяцев ничего не читал, кроме газет. Я хватаюсь за каждую книгу, так — же как за всякую возможность побыть на воздухе голым: я с половины января спал не раздеваясь, а последние 2 ½ мес. — даже не разуваясь.

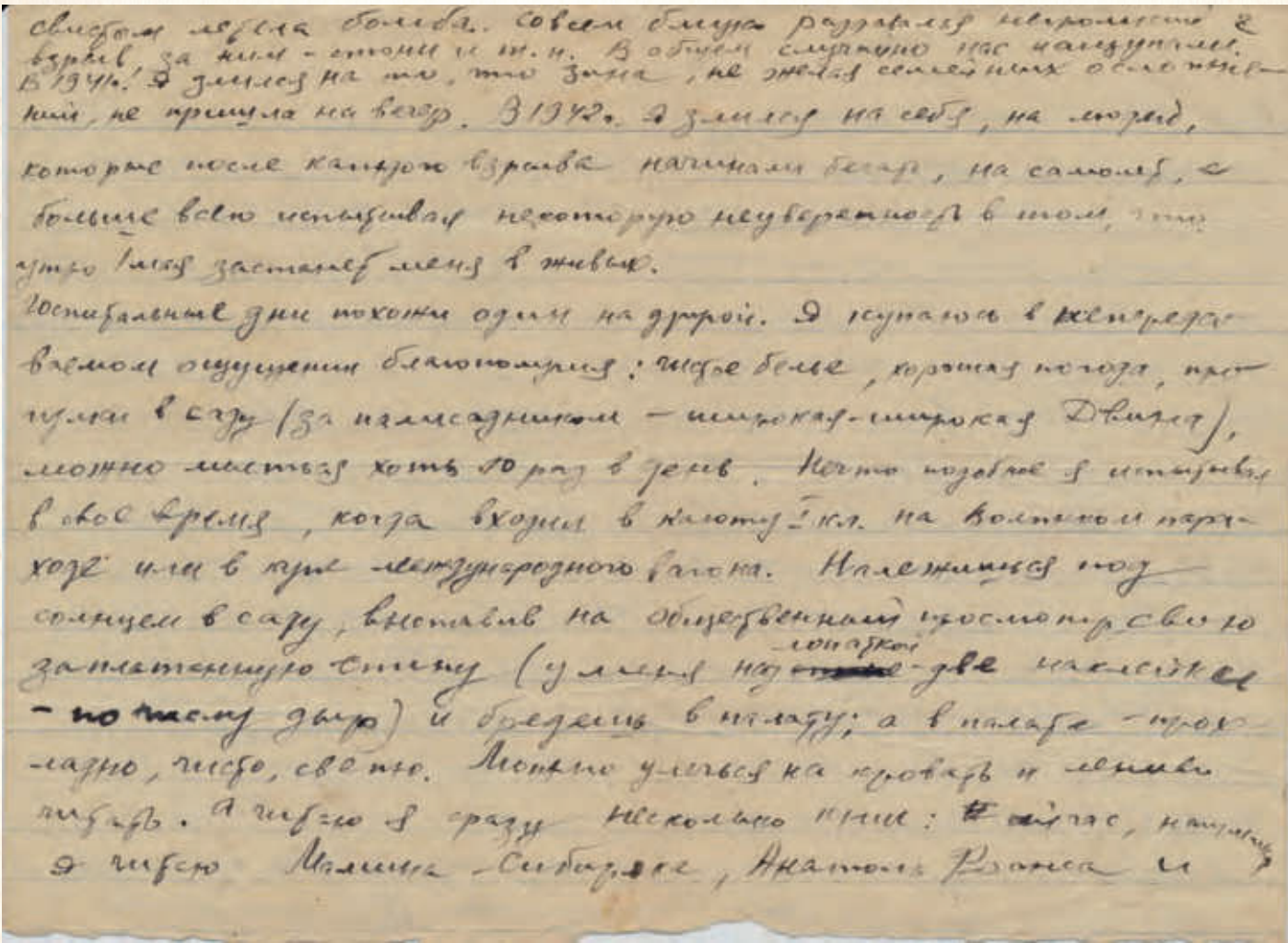
Подоплёка всех этих ощущений в самой простой радости: радуюсь тому, что я живу, а не догниваю в каком-нибудь карельском болоте. Теперь я ожил и неохотно вспоминаю пережитое.

В двух словах: я оказался с небольшой группой прижатых к озеру, на полянке, окружённой со всех сторон. К концу лежания и патроны были на исходе и руки и ноги совсем заковенели (они оказались потом немного обмороженными). И никаких перспектив. Одна-то была бесспорная перспектива: с последним патроном отправиться в неизвестное и очень тёмное пространство — к праотцам. Кое-кто у нас так и поступил. Да и я был к этому готов. К тому же половина из нас была ранена с самого утра.

Ну, в общем, мы, в конце концов, соединились со своими. Вот теперь я пожинаю плоды своей «удачи». Впрочем, вряд ли и в третий раз мне повезёт, и я отделаюсь раной, а не головой.

* Непридуманные рассказы о войне <http://www.world-war.ru/xochu-dozhit-do-konca-vojny/>

Ну, что об этом говорить...
 Получил телеграмму от Лёвы: очень сердечно, но смешно: «жму мужественную руку». Я много смеялся и никак не мог понять — почему моя рука удостоилась такой чести. На фронте всё значительно проще. И трудно сказать: чья именно рука мужественна. Нет, я навеки излечен от всяких преувеличений, а Лёва ещё этим страдает. Во всяком случае, я очень благодарен ему за сердечный привет.
 Ну, вот и всё. Как видишь, я вполне благополучен. Хотелось бы поскорее получить известие от Клавы и самой мамы. Целую тебя и Вадика.
 (подпись)

P. S. Письмо посылаю Зиночке

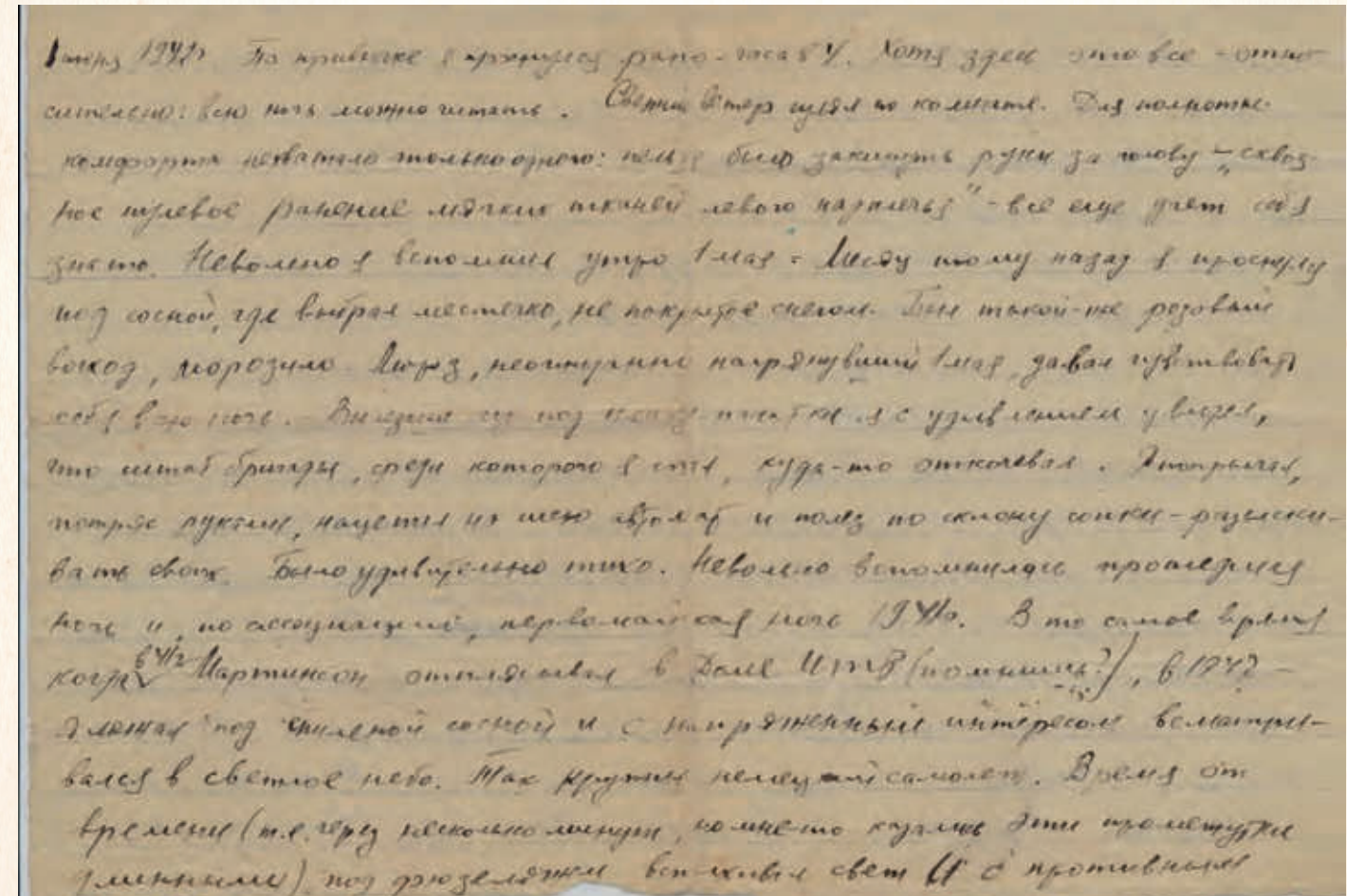
22 августа 1942 г.

На меня сегодня напала тоска — давно неиспытанное состояние. Гложет целый вечер, без всяких причин и поводов. Сейчас уже темнеет (от чего я отвык, ведь с мая месяца мне не приходилось видеть звёздного неба) и я решил написать тебе письмо. Как всякая попытка с кем-нибудь поболтать (к сожалению, совершенно невозможная для меня

в этих условиях); письма помогают в таких странных случаях, когда на человека нападает тоска.
 Ты пишешь о моих интересных письмах маме. Боюсь, что и в профильтрованной редакции они оказывают неважное действие на маму. Видишь ли, первые дни в госпитале я был несколько отклонившимся от нормы субъектом. С одной стороны — откровенно эгоистическая радость. Я жив, я не валяюсь где-нибудь в снежном болоте. И в то же время — тяжкие воспоминания, совсем свежее, навсегда незабываемое ощущение человека, около которого совсем близко проходит смерть. Было два таких весёленьких момента, которые не поддаются изложению. Смешные мысли в человеке: «вот и конец, вот и расплата за сытую жизнь, за высокие оклады, за наслаждение закатами, живописью, за романы с девочками разной степени смазливости» — так, обстояло, насколько я помню, дело. С особенной горечью думалось о том, что никогда не увижу я Борьку, Клаву, многочисленных Максимовых, Зину (ты, наверное, в курсе дела? Очень тебя прошу, напиши, как отзывалась мама об этом «чрезвычайном происшествии») Видишь и до сих пор существует остаточная реакция на эпизод 6 мая. Впрочем,

повторения возможны в таком масштабе, что пора освободить память для новых впечатлений.
 (написано сбоку первого листа мелким шрифтом: Самое главное — успокаивай маму, скажи ей, что я стал хитрый и голову берегу).
 Ну-с, вот я и не сдержался, и немного рассказал маме, смягчив резкости жизни. Очень хотелось кому-нибудь пожаловаться. Несколько неожиданной была фраза Веры: «Лёвка мой в восторге трогательном от твоих художественных описаний». Ещё больше меня удивила Левина экспансивная телеграмма: «Жму мужественную руку». Чисто глубоко-тыловая переоценка?
 Итак, моя изящная невестка стала грузчицей? Какие трансформации принесла война! Во всяком случае, ей не надо беспокоиться за верность мужа. Как будто, он не усвоил обычая её самого старшего доверия...
 Теперь о моей обстановке. Имей в виду, что малая артиллерия, к которой я имею сейчас честь принадлежать, несёт наименьшие потери. Миномёты располагаются за передним краем, в 500 метрах, а штаб — обычно ещё дальше. На таком расстоянии не страшен огонь автоматов и, почти, — винтовок. Нас ищут артиллерия и миномёты противника. Но мы — непоседливы, кочуем, как только нас начинают накрывать. Всё это, пока в теории, так как в минбате я в боях ещё не был. Ко всему этому надо прибавить, что нас сейчас не пускают в бой, а держат впрок. Вот это всё и объясни маме, чтобы она, сейчас, по крайней мере, была совершенно за меня спо-

койна. Кроме того, сейчас я наверняка не буду участником диверсантских рейдов, к чему предназначались ложки. Всё это повышает шансы на вдыхание дыма отечества, который, как установил ещё Грибоедов — нам так сладок и приятен.
 (написано сбоку второго листа мелким шрифтом: где вы достаёте портвейн? Я привык и к спиртному).
 Сегодня у меня день безделья. Батальон ушёл в леса строить оборону. Несложными операциями я достиг того, что остался дома. Днём я писал тезисы к докладу: «Уроки истории». Приятно собирать в закоулках памяти чудом уцелевшие остатки знаний. Время от времени обходил батальон, цукал дневальных за непрогёртые миномёты. Имей в виду, что я — большой начальник в своей малой деревне. Сейчас гудит печурка. В крохотное оконце заглядывает чахлая ночь приполярья, в обрезке консервной банки растоплен мой командирский паёк — сливочное масло, горит фитиль из ваты. Всё выглядит вполне комфортабельно. После кружки чаю и на третьей странице письма тоска утихла. Да не всё ли равно, что будет завтра?
 (написано сбоку третьего листа мелким шрифтом: Переход в Москву приветствую, если он удастся).
 Орфография и знаки препинания рукописи в основном сохранены.
 Письма и фотография любезно предоставлены из семейного архива для публикации.
 Материал для публикации на портале www.worldwar.ru передал внук Кирилл Владимирович Родионов.

«ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГАЯ МОЯ ГАЛОЧКА!...»*

Автор **Василий Петрович Тыщенко**

Василий Петрович Тыщенко родился в 1911 г. в с. Львовское Северского района Краснодарского края. До войны работал бригадиром молодёжной бригады в колхозе. В апреле 1941 г. был призван в армию, в роту артиллеристских войск. Участвовал в битве за Крым, обороне Кубани. Не раз был ранен. В битве за взятие Варшавы был смертельно ранен. Умер 3 сентября 1944 г. Похоронен в пригороде Варшавы. Награждён медалью «За боевые заслуги».

9 марта 1944 г.

С приветом, Галочка! Здравствуйте, мои дорогие скучаемые жена Галочка, детки Анатолий, Николай, Таиса, мамка, папа и сёстры. Спешу сообщить о том, что я пока жив и здоров, и шлю вам всем свой скучно-сердечный низенький горячий привет.

Галочка! Сегодня я получил твоих два письма и одно от своих родителей. За письма я тебя крепко и ещё раз крепко благодарю. Галочка! Ты пишешь, вернее, выслала мне молитву, я её получил, но металл не переделаешь, который сыплется со всех концов, и что предстоит в моей жизни, то не перепрыгнешь и не обойдёшь. Адрес жены своего друга я не выслал, потому что он выбыл в госпиталь по ранению и в госпитале помер, был тяжело ранен.

Галочка! Я проживаю очень хорошо, временно пока нахожусь в тылу, подробней сообщу во втором письме. Предполагается побыть на отдыхе. Сейчас пишу с одной прекрасной квартиры тебе письмо. Галочка! За долгое скучное время крепко целую и спешу ждать того времени, когда мы с тобой встретимся, а недалёк тот час, что я увижусь с тобой и с детками.

Немецкая нечисть бросается во все уголки и бьётся, как рыба об лёд, с полным головокружением, слабеет с каждым днём, а Красная армия, наоборот, крепнет и становится сильнее. Это всё проходит на моих глазах, потому что я освобождаю сотни сёл Украины, и на ходу проводится мобили-

зация, а на Украине все мужчины дома, и сейчас вся Украина подымается на изгнание немцев из своей территории, в общем, немцу капут.

На этом я своё письмо заканчиваю. Погода у нас вчера и раньше была очень холодная, а сегодня очень хорошо, тепло и сухо после мороза. Пока всё, до свидания, остаюсь в хороших условиях. Крепко целую, твой муж Вася. Остаюсь жив-здоров. Да свидания.

21 апреля 1944 г.

Привет из Польши! Здравствуй, дорогая моя Галочка! Разреши тебе сообщить о том, что я пока жив и здоров, и получил твоё февральское письмо и открытку от Нади из Краснодара и ещё письмо от кумы Галочки Петровны, и от родных папы и сестёр. Дорогие мои родители, крепкое вам спасибо за ваши письма. Привет от меня, скучный, горячий, низенький привет. Ваш дорогой Вася.

Твой, Галочка, верный муж Вася. Ваш папа, Толя, Коля и Тая. Жив и скучает видеть вас всех.

Галочка! Я сейчас на отдыхе, чувствую себя очень хорошо. Ты в своём письме пишешь, что всё дорого, я всё сознаю, но я вот проехал Украину и часть Польши. Всего сколько угодно, несмотря на то, что немцы много грабили и забирали у людей, а всё же Украина очень богатая насчёт хлеба, Галочка! Теперь я пока на одном месте, письма должны быстрее к тебе и ко мне. Я ещё не знаю, получила ли ты мой перевод 800 руб., и ещё я выслал 400 руб. В одном письме я тебе писал и в нём выслал вторую фотокарточку. На этом я своё письмо заканчиваю, погода у нас хорошая, уже тепло. Пока всё. Крепко целую, твой Вася.

8 июля 1944 г.

Здравствуй, дорогая моя жена Галочка! За долгое скучное время всё же я дождался твоего письма, за что я тебя тысячу раз благодарю и спешу сообщить о том, что я пока жив и здоров, чего и тебе желаю с нашими дорогими детками, и шлю тебе с ними свой орденосный привет, а также и мамке, своему родному папе, родным сёстрам, всем осталь-

ным родителям, соседям, Марусе Н., Фёдору Ткачу и его жене.

Галочка! Крепко я тебя благодарю, что ты всё же описываешь обо всём. Дорогая, от своего брата ты не получаешь писем, вероятно, он оттуда выбыл, я тоже давно от него получал письма. Дорогая моя ласточка, ты описала про урожай, сколько ни проезжаю везде, везде хорошие урожаи на всё, но здесь, где я проезжаю, и где проезжал по Украине, очень богатые места картофелем, а также и хлебом.

Я получил письмо от Марфуши, Лида описала, что град выбил всё, но я из твоего письма заключил, что немного сделал повреждений, так как твоё письмо 22.6.44, а их – 17.6.44 г. Дорогая моя голубка, я написал небольшое письмо председателю колхоза и в районную газету, где немного подчеркнул и о помощи семье, и моё командование, вероятно, ходатайствовало о помощи, так как я поднял этот вопрос. За этот месяц, дорогая, ожидай от меня помощь, я вышлю тебе 400 руб., что смогу, то сделаю, а уж когда закончу этого проклятого кровопийцу и останусь жив, вернусь к тебе, дорогая. Крепко поцелую тебя, но надеюсь, что и ты так же поцелуешь меня, уж тогда для нас с тобой помощь не потребует. Постарайся, дорогая, пережить все трудности, мне эти трудности тоже надоели, но ничего не поделаешь.

Галочка! Я сейчас проживаю хорошо, и здоровье хорошее, но ожидаю лучшего, только после худшего, так как впереди предстоят большие бои, а я уже скоро вступлю в бой, так как я сейчас в дороге. Путь мой – вперёд на запад, к быстрейшему уничтожению гитлеровской шайки, недалёк тот час, что ты будешь ожидать меня, как листья солнца...А теперь пока, моя дорогая. До свидания, целую крепко я тебя. Твой муж Вася.

22 июля 1944 г.

Привет с фронта! Здравствуй, дорогая моя Галочка! В своём кратком письме всё же хочу тебе сообщить о том, что я пока жив и здоров, но ужасность встречаемая, больно говорить, остался в памяти день 19.7.44 г. Галочка! В этот день встретил чёрную тьму гадов, с которой завязал жаркий бой, фашистская нечисть хотела пробраться на моём участке, гады не прошли, они встретили сокрушительный мой огонь, танк сгорел, второй с места не ушёл, фрицы в воздух летели, много дел было. Попытка врага в больших потерях досталась, и со слезами про- сунулись назад. Галочка! Бал маленько ранен осколком, но без помочи обошёлся, осколочек, наверно, в спине остался. Но я его не чувствую. Жуткие дни, но пока, дорогая, всё благопо-

лучно, а кушать, дорогая, одного только птичьего молока нет: сла- дости всякие, жиры всевозможные, в общем, неисчерпаемо всего. Галочка! Письмо от Васьки Е.Б. недавно получил. В общем, дорогая, писать можно много, но пользы мало, что будет впереди, ты всё увидишь, ну а мне зависима судьба, жив останусь, увижу и я. Галочка! За июль я выслал тебе 500 руб., получишь, сообщай. Ещё, дорогая, я должен тебя поставить в известность о том, что я представлен к награде, ожидаю какой-то ордена. Ну и всё, прими от меня орденосный привет деткам, мамке, папе, сёстрам. В общем, всем. И на про- щанье, дорогая, бесщётно целую, твой муж Вася. До свидания.

18 августа 1944 г.

Привет, Галочка! Разреши, дорогая, тебе сообщить о том, что я, твой любимый муж Вася, пока жив-здоров, что для тебя является радостью. Но ещё хочу тебе сообщить о том, что я твоё письмо получил, в котором ты мне написала о своей болезни, это, дорогая, конечно, не является секретом, что для человека предстоит, то не утаишь, будем живы, будем всё выправлять. Ты, дорогая, ещё пишешь про деньги, квитанции, я их, конечно, не держал, времени-то много прошло, а это, по всей вероятности, у вас там на месте произошло, уделяя внимание на твою неграмотность, плюс к тому – высылая с фронта, считая, что сегодня жив, а завтра убит, ну и концов никто не найдёт, а я тебе писал в одном из писем, как надо разузнать концы, просто сходи к начальнику почты и попроси просмотреть мартовские и апрельские документы, было ли перечисление или нет. Если было, сопоставьте роспись ранее, когда ты получала, а я ещё напишу в Северскую начальнику почты. Галочка! Однажды начал писать тебе письмо, но помешала дописать контратака немца, а сейчас, немного придя в себя, решил всё же дописать. Ой, дорогая, сколько надо выдержанности иметь в этой битве, это просто невозможно обдумать, но ты сама знаешь мою хладнокровность, ведь из-за своей натуры я и имею большие заслуги в наградах. Если бы, дорогая, не ушло от меня то счастье, которое сохраняется до сегодняшнего дня и остаётся теперь, ты бы посмотрела на меня, вернее, на мою грудь, разукрашенную в орденах. А жизнь какая б повалилась у нас с тобой, невозможно представить, но ничего, дорогая, быть может, мы с тобой со счастьем. Пока проживаю благополучно, бои сильные. Вчера я тебе послал письмо, написанное карандашом, с платочком в нём, я кое о чём описал, а пока до свидания. Крепко целую, твой муж Вася. Жди, я вернусь.

* <https://clck.ru/345ttu>

ВТОРАЯ МИРОВАЯ МИФЫ О «ВИНЕ» СССР

Часть 8

Автор **Евгений Дунаев. Снежинск**
Продолжение*

Чехословацкие пограничные укрепления на границе с Германией

1938 г., октябрь-декабрь МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР. НАЧАЛО КОНЦА «ГРЮН» И «ЗАОЛЬЗЬЕ»

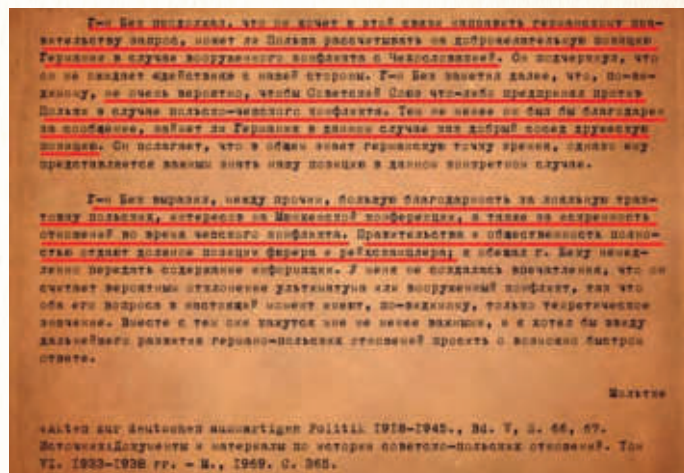
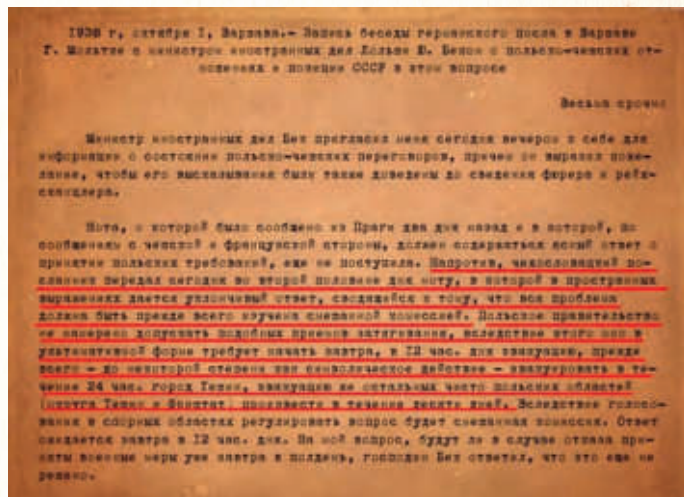
1 октября 1938 г. Части вермахта оккупировали Судеты. Мощнейшие для своего времени пограничные укрепления на границе Чехословакии с Германией по приказу из Праги были сданы без боя. Новая граница подходила к предместьям столицы Чехословакии. Гитлер получил территорию площадью в 41 тыс. кв. км с населением в 4,9 млн. человек.

Как видим, исполнение плана «Грюн» началось в установленные Гитлером сроки — не позднее 1 октября.

В приложениях к Мюнхенскому договору значилось, что Чехословакия за 3 месяца должна урегулировать территориальные споры с Польшей и Венгрией.

1 октября 1938 г. Указанные документы свидетельствуют о формировании прямого военного союза нацистской Германии и Польши.

* Начало читайте в предыдущих номерах журнала «Быть Добру!» за 2022–2023 гг.

Запись беседы германского посла в Варшаве Г. Мольтке с главой МИД Польши Ю. Бекком. 1 октября 1938 г.

«Ещё в мае 1938 г. по приказу «верховного маршала» Эдварда Рыдз-Смиглы в район Тешина были стянуты 3 пехотные дивизии, Великопольская кавалерийская бригада и моторизованная бригада.

Более того: в августе создаётся парамилитаристский «Добровольческий корпус освобождения Тешина». Попросту говоря, это боевики, которые тут же разворачивают «тревожащие действия». То есть переходят границу, нападают на чешских пограничников и полицейских, после чего скрываются в Польше.

В том же августе 1938 г. Юзеф Бек проявляет себя не просто как верный союзник Германии в чешском вопросе, но ещё и как нерядовой игрок на геополитической доске Европы. Именно он продавлирует в Берлине свой план окончательного решения чешского вопроса, согласно которому Тешинская Силезия отходит Польше, Словакия и Закарпатская Русь — Венгрии, остальные земли — Германии. Именно так впоследствии и произошло.

В сентябре 1938 г. польские «тревожащие действия» на границе с Чехией перерастают в почти полноценную войну. В ход идут ручные гранаты и пулемёты. Счёт чешским жертвам идёт на десятки, если не на сотни: в чешском местечке Коньска 25 сентября сгорели два здания, которые забросали гранатами. Тогда же сгорела и железнодорожная станция Фриштат**.

Прага приняла польский ультиматум от 30 сентября. Чехословацкие войска начали отводиться от границы, и Заользье (Залужье) было передано Польше. **2 октября 1938 г.** Одновременно с вермахтом в Тешинскую область вошли польские войска. Войско польское оккупирует Тешинскую Силезию и некоторые населённые пункты на территории современной Словакии.

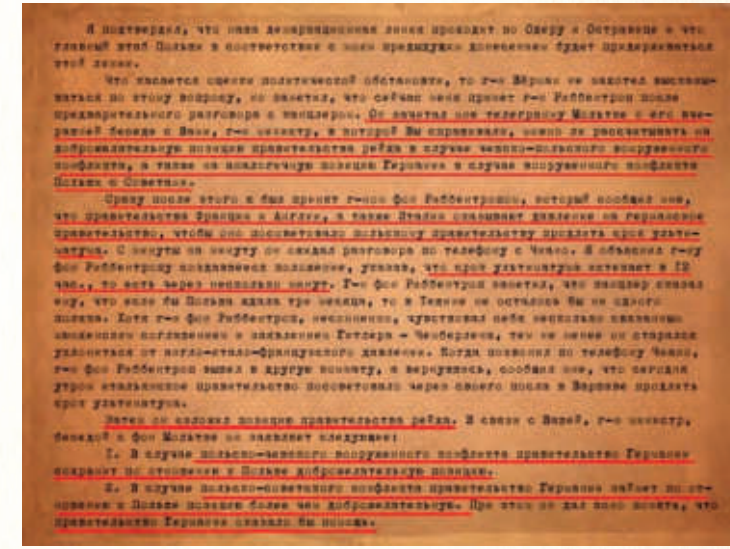
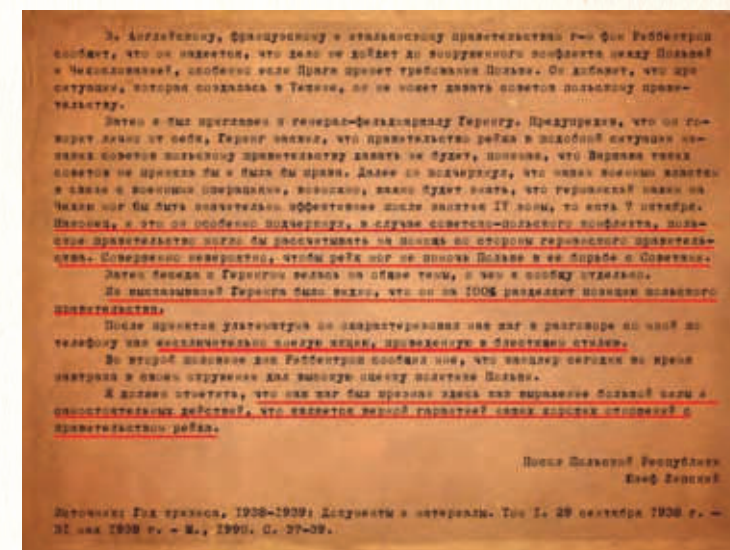
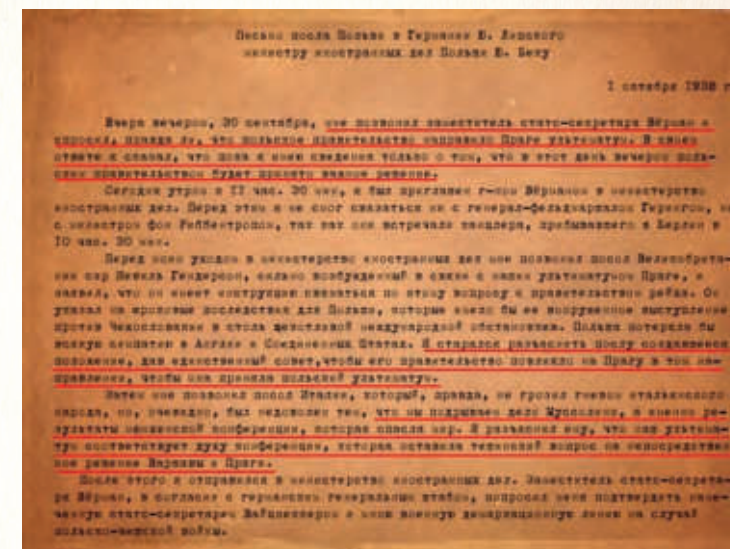
«Вступает с триумфом — польских солдат забрасывают цветами в Тешине, *впрочем*, остравский корреспондент «Чешского слова» сфотографировал как была организована «спонтанная встреча» — из соседнего польского Цешина пришло несколько сотен поляков с цветами, которые изображали местных жителей. Первой самой «важной» реформой стал запрет чешских школ и чешского языка**.

«Варшава, раздосадованная тем, что её не пригласили стать пятым участником сговора, выдвинула ультиматум несчастной Праге с требованием отдать ей Тешинскую Силезию. Уже 2 октября «победоносные» польские войска вступили в Тешин, после чего и Венгрия заявила претензии на большую часть Словакии и Закарпатье. Амбиции стать реорганизатором «третьей Европы» неизбежно делали Польшу соучастником гитлеровских планов, и она последовательно и открыто позиционировала себя как враг СССР, готовый выступить на стороне Гитлера для похода на Восток и захвата Украины, чтобы сделать Польшу «от моря до моря»***.

* https://aif.ru/society/history/soobrazit_na_troih_kak_germaniya_polsha_i_vengriya_delili_chemoslovakiyu

** <https://maxpark.com/community/2284/content/768242>

*** Из выступления Н. А. Нарочницкой о предпосылках к началу Второй мировой войны на тематической конференции «1939–1945: Могли ли мы избежать войны?» (Париж, 11.12.2019)

Письмо посла Польши в Германии Ю. Липского главе МИД Польши Ю. Беку. 1 октября 1938 г.*

* <https://twitter.com/hashtag/%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B?src=hash&lang=rus>

Братья по оружию — немецкий солдат и польский жолнеж. 1938 г.

У. Черчилль писал в своих мемуарах, Польша «с жадностью гиены приняла участие в разграблении и уничтожении чехословацкого государства».

11 октября 1938 г. Польские войска захватили последний район Тешинской Силезии.

«Захват Заольжанской Силезии.

Принятие чехами польской ноты остановило дальнейшие приготовления к вооружённой акции в тот момент, когда всё было уже продумано, подготовлено и проверено.

Необходимость использования силы отпала.

Начали реализовывать, с определёнными изменениями, предполагаемый в начальном плане действий 1-й вариант — вариант оккупации.

...
Захват прошёл в соответствии с планом. Определённым отступлением от плана действий стал более ранний, нежели предполагалось ранее, захват Богумина. ...это было продиктовано необходимостью предупредить немцев в случае, если бы они захотели занять Богумин.

... После захвата 11.10.1938 г. последнего района (Богумина) следующие два дня были полны тор-

Карта «Зоны оккупации в Чехословакии» (вырезка из английской газеты «Таймс»). Октябрь 1938 г.*

* <https://munich.rusarchives.ru/dokumenty/karta-zony-okkupacii-v-chehoslovakii-vyrezka-iz-angliyskoy-gazety-tayms>

Польские войска аннексируют город Чески-Тешин во время Судетского кризиса. 4 октября 1938 г.

жеств, связанных с приездом и пребыванием на Заользье пана маршала»*.

Не очень-то польские паны германским херрам доверяли.

12–13 октября 1938 г. В Заользье прибыл маршал Эдвард Рыдз-Смиглый, который принял участие в торжествах по поводу присоединения новых земель.

Вор кричит «держи вора!»

Западные державы, пытаясь обелить себя в глазах всего мира и переложить ответственность за своё предательство Чехословакии на Советский Союз, распространяли через свои средства массовой информации ложь об участии СССР в Мюнхенском

* Из отчёта командующего отдельной оперативной группой «Силезия» В. Бортновского — о подготовке наступательной операции, захвате Заользья и обучении войск от 11 октября 1938 г.

сговоре. Советский Союз был вынужден принять меры для разоблачения этой клеветы.

2 октября 1938 г. Из сообщения ТАСС: «ТАСС уполномочен сообщить, что Советское правительство ... не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к её решениям»**.

4 октября 1938 г. Из сообщения ТАСС: «Никаких совещаний и тем более соглашений между правительствами СССР, Франции и Англии по вопросу о судьбах Чехословацкой республики и об уступках агрессору не происходило. Ни Франция, ни Англия не консультировались с СССР, а лишь сообщали правительству СССР о совершившихся фактах. К конференции в Мюнхене и её решениям, как было уже заявлено в сообщении ТАСС от 2 октября, Советское правительство никакого отношения не имело и не имеет»***.

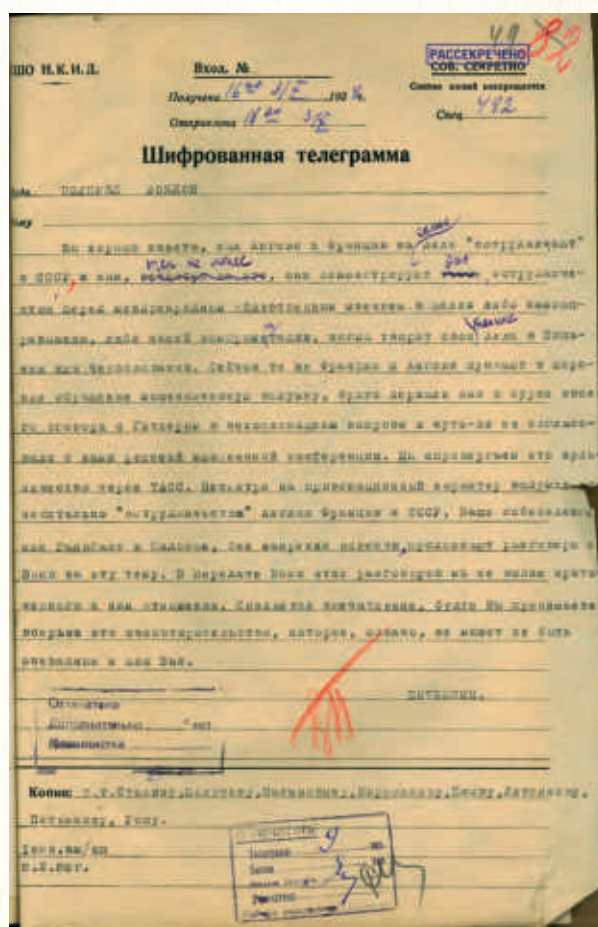
** http://www.hrono.ru/dokum/193_dok/19381002tass.php

*** https://runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147012&PORTAL_ID=7147&SECTION_ID=6787

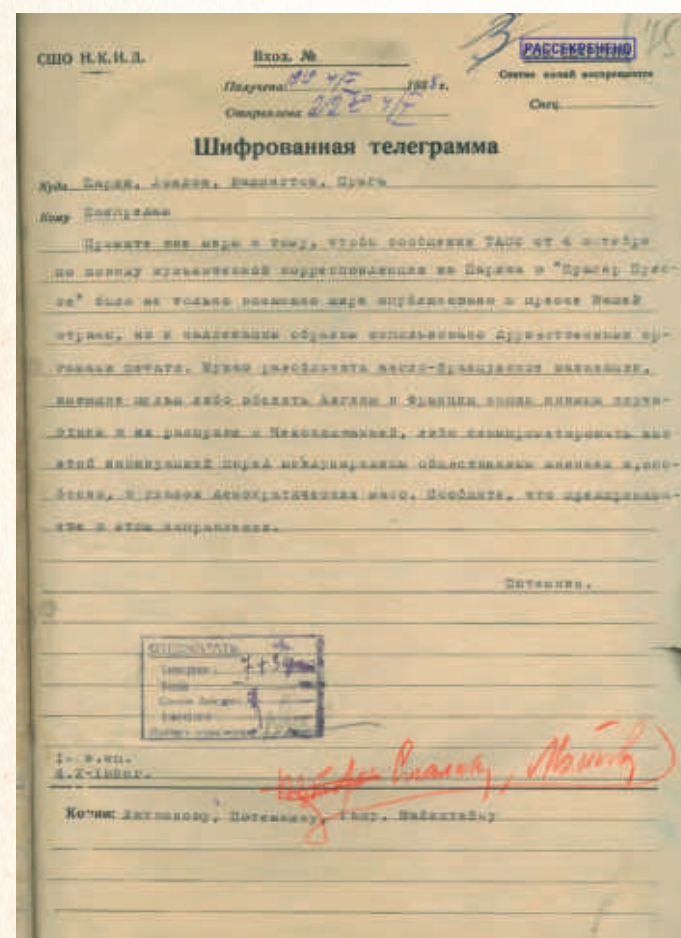

Польские танки 7ТР на улицах чешского города Тешин (Цешин). Октябрь 1938 года.

Шифртелеграмма заместителя наркома иностранных дел СССР В. П. Потёмкина полпреду СССР в Великобритании И. М. Майскому о необходимости критического отношения к разговорам о согласовании решений Мюнхенской конференции четырёх держав с Советским Союзом. 3 октября 1938 г.*

* <https://munich.rusarchives.ru/dokumenty/shifrtelegramma-zamestite-lya-narkoma-inostrannyh-del-sssr-vp-potemkina-polpredu-sssr-v>

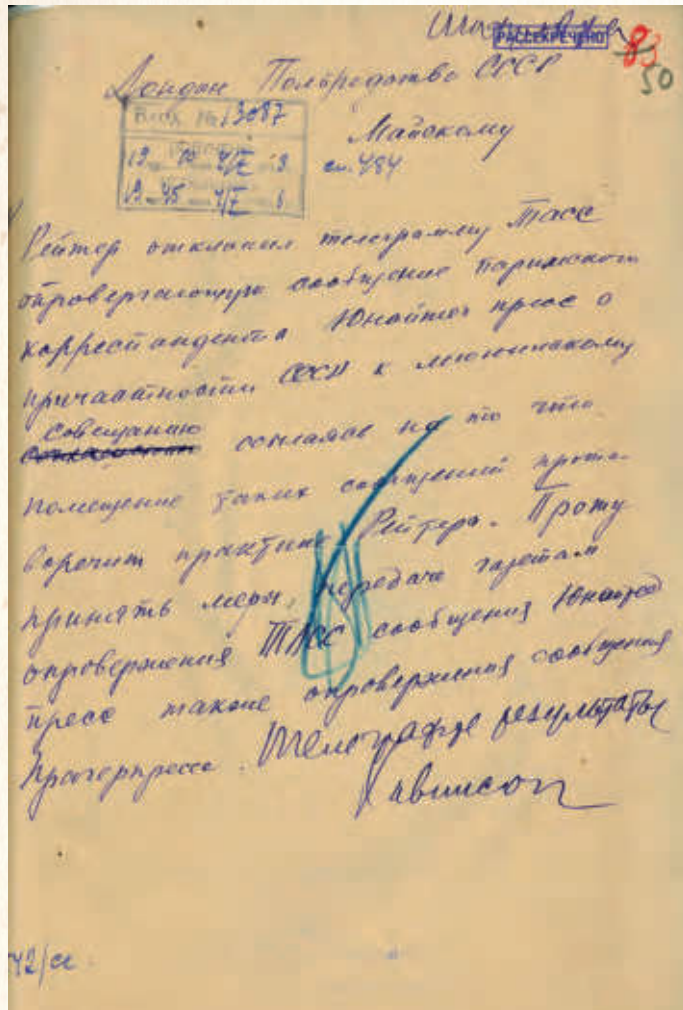
«Польские войска занимают чешское селение Йоргов во время проведения операции по аннексии чехословацких земель Спиш. Интересна дальнейшая судьба этих территорий. После крушения Польши Орава и Спиш были переданы Словакии. После окончания Второй мировой, земли снова были оккупированы поляками, правительство Чехословакии было вынужденно согласиться с этим. На радостях поляки устроили этнические чистки против этнических словаков и немцев. В 1958 территории были возвращены Чехословакии. Сейчас входят в состав Словакии»*.

* <https://tehnovar.ru/16750-raschlenenie-i-okkupaciya-chehoslovakii1938.html>

Шифртелеграмма заместителя наркома иностранных дел СССР В. П. Потёмкина полпредам СССР во Франции, Великобритании, США и Чехословакии о необходимости разоблачать англо-французские инсинуации касательно участия СССР в расправе над Чехословакией. 4 октября 1938 г.*

* <https://munich.rusarchives.ru/dokumenty/shifrtelegramma-zamestite-lya-narkoma-inostrannyh-del-sssr-vp-potemkina-polpredam-sssr-vo-francii>

Шифртелеграмма и. о. ответственного руководителя ТАСС Я. С. Хавинсона полпреду СССР в Великобритании И. М. Майскому о распространении в зарубежной прессе опровержения ТАСС относительно причастности Советского Союза к Мюнхенской конференции четырёх держав. 4 октября 1938 г.

Крушение надежд

Мюнхенское соглашение произвело внутри Чехословакии эффект разорвавшейся бомбы. Чехословацкое общество потрясло предательство западных держав, ещё совсем недавно обещавших Чехословакии всяческую поддержку в случае нападения на неё Германии. Если ещё вчера чехи чувствовали полную безопасность, уверенность в собственной защищённости от германских притязаний, подкреплённую мощью коалиции крупнейших держав, то сегодня всё это рухнуло. Феерия растаяла без следа. Сапоги чужих солдат топчут землю Чехословакии, страну сдают без всякого сопротивления. В Чехословакии разразился глубочайший политический кризис, грозивший полным разрушением государства.

5 октября 1938 г. Президент Э. Бенеш подал в отставку и эмигрировал в США.

7 октября 1938 г. Под давлением Германии чехословацкое правительство приняло решение о предоставлении Словакии автономии.

8 октября 1938 г. Русинская организация — Центральная русская народная рада заявила о создании Рады министров Подкарпатской Руси во главе с Андреем Бродием.

Соседние страны устраивали провокации на приграничных территориях Чехословакии:

«11 октября 1938 г. Закарпатье. Венгерской бандой совершено нападение на пассажирский поезд и произведён захват моста близ ст. Доброселье. Был убит чехословацкий солдат, мост взорван, ограблены пассажиры. После нападения диверсанты скрылись в венгерских сёлах Береговского района»*.

11 октября 1938 г. Власти Чехословакии фактически признали автономию Подкарпатской Руси, утвердив полномочия и персональный состав автономного правительства.

30 ноября 1938 г. Президентом Чехословакии был избран Эмиль Гаха, который не раз признавался, что в политике он мало что смыслит.

Гуляш по-венгерски

При разделе Чехословакии регенту Венгрии адмиралу Хорти Гитлер сказал: «Хочешь есть — помогай готовить».

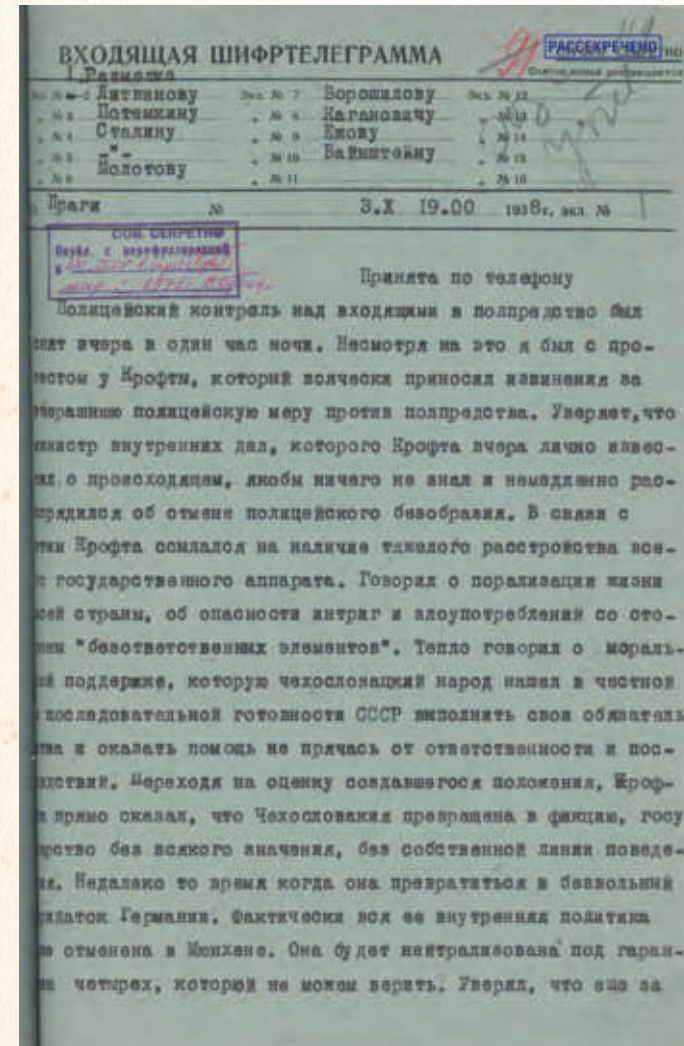
1 октября 1938 г. В Будапеште премьер-министр Б. Имреди заявил, что в Чехословакии ущемлены интересы венгерского меньшинства и потребовал передачи в состав Венгрии южной части Словакии и Карпатской Украины.

«По польской программе начали действовать и власти Венгрии. Собранные на венгерской территории отряды чернорубашечников с 5 октября начали проникновение в Словакию и Подкарпатье. 6 октября в пограничном дунайском городе Комарно начались венгерско-чехословацкие переговоры. 8 октября Хорти обратился с письмом к Чемберлену с просьбой поддержать Венгрию»**.

Венгрия потребовала от Чехословакии без всяких условий передать ей юго-восточную часть чехословацких земель от Братиславы до Мукачева, что составляло 23 % территории Словакии. На остальной словацкой территории венгры хотели провести плебисцит.

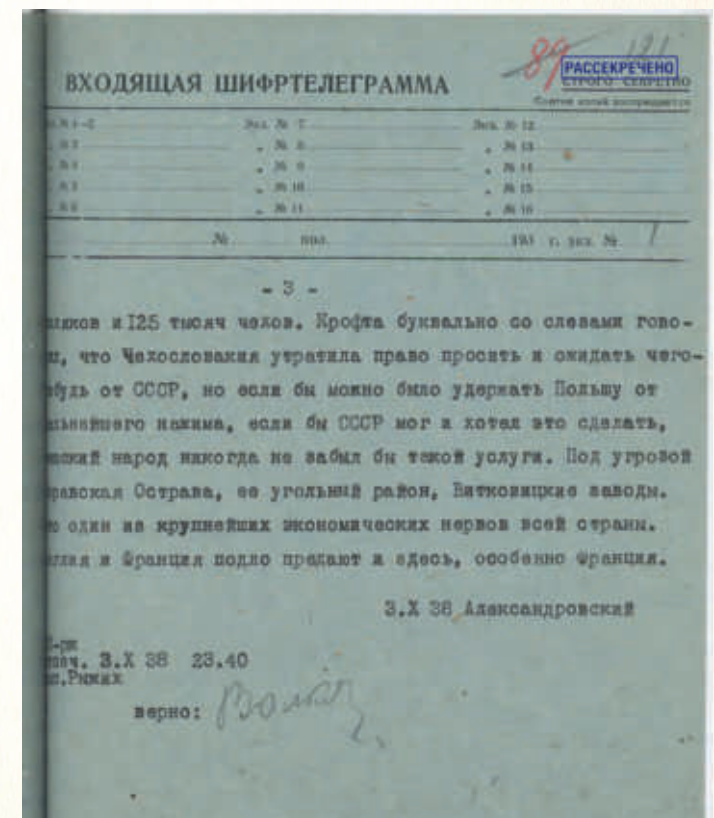
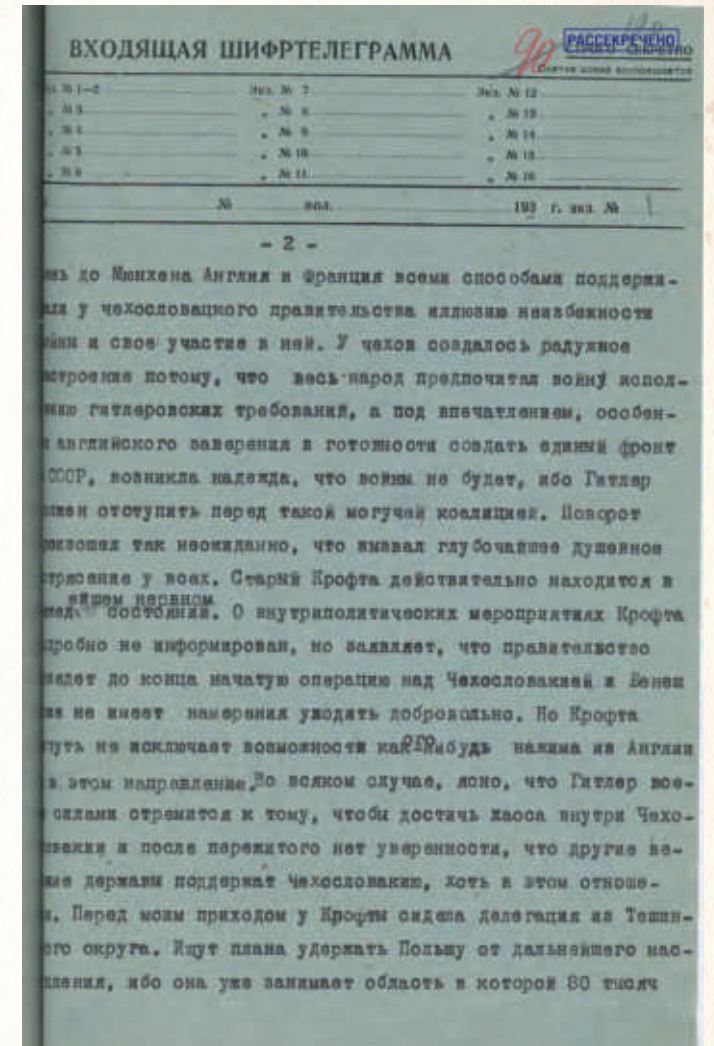
22 октября 1938 г. Чехословакия согласилась удовлетворить претензии Венгрии частично, но оставить себе только несколько густонаселённых районов на севере области, которую требовал

* <http://www.hrono.ru/sobyty/1900war/1939ku.php>
 ** <https://regnum.ru/news/polit/2759812.html>

Шифртелеграмма полпреда СССР в Чехословакии С. С. Александровского в НКВД СССР о глубоком политическом кризисе в Чехословакии после Мюнхенской конференции, растущих территориальных притязаниях поляков и надеждах чешского народа на помощь СССР в вопросе удержания Польши от захватов чужих территорий. 3 октября 1938 г. Заверенная копия*.

* <https://munich.rusarchives.ru/dokumenty/shifttelegramma-polpre-da-sssr-v-chehoslovakii-ss-aleksandrovsikogo-v-nkid-sssr-o-glubokom>

Правитель Венгерского королевства адмирал Миклош Хорти на белом коне во главе парада венгерских войск в оккупированном чехословацком городе Кошице (по-венгерски Kassa) после его оккупации 2 ноября 1938 года.

Будапешт. Венгров это не удовлетворило, и обе стороны обратились в «международный арбитраж», представленном Италией и Германией. Великобритания и Франция от участия в разрешении спора самоустраились.

26 октября 1938 г. Новым премьер-министром Подкарпатской Руси стал пронацистский украинофил Августин Волошин, который попытался переименовать автономию в Карпатскую Украину Украинский язык стал официальным.

31 октября 1938 г. Нарком иностранных дел подтвердил в беседе с польским послом, что пакт о ненападении между СССР и Польшей «сохраняет полностью свою силу».

Поскольку Чехословакия сама отказалась оказывать сопротивление агрессорам, то и решение СССР сохранить действие польско-советского договора о ненападении вполне логично. Нельзя бросаться на защиту того, кто сам не желает защищаться.

2 ноября 1938 г. В Вене прошло разбирательство спора, получившее название Первого Венского арбитража. Арбитры — министры иностранных дел

Германии и Италии постановили передать в состав Венгрии Южную Словакию и Подкарпатскую Русь с населением 972 тыс. человек, включая крупнейшие города региона Ужгород и Мукачево, а также все плодородные земли. Столицей Подкарпатской автономии теперь стал Хуст. Не были удовлетворены лишь венгерские требования относительно Братиславы и Нитры.

6 ноября 1938 г. «Первым решающим событием в чехословацком вопросе надо признать «победу», одержанную совместными усилиями правительств Англии и Германии не над кем-либо, а.. над правительством Франции. Два правительства — правительство Англии и правительство Германии — «победили» правительство Франции, добившись отказа Франции от договора о поддержке Чехословакии»*.

* Из доклада Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова на торжественном заседании, посвящённом 21-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Венгерские танкетки итальянского производства «Фиат-Ансальдо» CV-35 и солдаты на улице захваченного чехословацкого города Хуст в Карпатской Украине

«Германский империализм отхватил от Чехословакии больше, чем он сам мог рассчитывать. Пожилась Польша, как союзник германского фашизма по расчленению Чехословакии. С жадностью откусила солидный кусок Венгрия. Это не значит, что аппетиты малых и больших хищников Европы удовлетворены. Напротив, их, эти аппетиты, только разожгли ещё больше и возбудили усиленную борьбу вокруг новых разделов не только Чехословакии, но и некоторых других европейских стран...

Как события у Хасана, так и события вокруг судеб Чехословакии имеют прямое отношение к вопросу о второй империалистической войне, над раздуванием которой «работают» поджигатели войны — фашисты Германии, Японии, Италии...

События, связанные с Чехословакией, создали обстановку военной лихорадки во всей Европе. Достаточно сказать, что в момент этих событий только в четырёх европейских странах — Германии, Франции, Польше и Чехословакии — численность армии, по самым скромным расчётам, за очень короткий срок увеличилась больше чем в два раза,

больше чем на 2 млн. человек. Несмотря на будто бы миролюбивый сговор в Мюнхене, все участники мюнхенского соглашения заняты теперь дальнейшим ростом вооружений, увеличением своих армий, бешеным увеличением военных бюджетов. Сговор фашистских правительств с правительствами «демократических» стран отнюдь не ослабил опасности разжигания второй империалистической войны, а, напротив, подлил масла в огонь. Агрессивные страны Европы не только развернули дальнейшие планы перекройки карты государств Европы, но и свои требования на передел колоний. В такой момент не приходится ждать прекращения или затухания второй империалистической войны. Напротив, опасность возникновения новых очагов и дальнейшего расширения её масштабов налицо»*. Очевидно, что у руководства Советского Союза было

* Из доклада Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова на торжественном заседании, посвящённом 21-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. 6 ноября 1938 г. // Известия № 261 (6728), 10 ноября 1938 г.

ясное представление о неизбежности войны, её масштабах и агрессорах. Это, кстати, по поводу мифа о «наивном и доверчивом Сталине, которого обманывали все, кому не лень» или, наоборот, о «не доверявшем никому Сталине, который поэтому не мог правильно оценивать обстановку».

«30 сентября территория ЧСР составляла 54 тыс. квадратных миль, население — 14,5 млн. чел. 30 ноября — 38 тыс. квадратных миль, население — 9,6 млн. квадратных миль. Экономические потери Праги были весьма велики. Она потеряла в Судетах 2/3 площадей, используемых под хмель, 1/3 ремесленного производства, 100 % производства фарфора, 80 % производства стекла (он давал до 600 млн. крон экспорта ежегодно) и 1/3 керамики, 7 из 19 табачных фабрик, абсолютное большинство бумажных фабрик (в республике сразу же проявился недостаток бумаги), половину текстильного производства. Из 12,233 млн. тонн ежегодной добычи каменного угля была потеряна половина, и это при том, что потребности республики в этом виде топлива равнялись 20 млн. тонн. Ежегодная добыча бурого угля до Мюнхена равнялась 15,949 млн. тонн, в распоряжении Праги осталось 1,05 млн., из них 598 тыс. тонн добывалось в Словакии. Была потеряна треть маши-

ностроения, и до 40 % налоговых поступлений. Новая граница проходила в 35 км от Праги, 3 км от Пльзеня, 15 км от Брно, 1 км от Моравской Остравы»*.

«Кровожадно вопия, высунули жалы...»

«Встречались мне люди в последнее время всё больше душевные, можно сказать, деликатные...»

Фраза товарища Сухова из кинофильма «Белое солнце пустыни».

6 октября 1938 г. Из бюллетеня не для печати № 279 иностранной информации ТАСС — ««Нью-Йорк пост» о целях английских вооружений» после заключения Мюнхенского соглашения. 6 октября 1938 г. ГА РФ. Из бюллетеня не для печати № 279 иностранной информации ТАСС — ««Нью-Йорк пост» о целях английских вооружений» после заключения Мюнхенского соглашения. 6 октября 1938 г.**

13 октября 1938 г. Временный поверенный в делах США во Франции Вильсон писал в госдеп, что «между недавними событиями в Европе и изменением отношения японцев существует явная связь. Создалось впечатление, что в сентябре позиция японцев на Дальнем Востоке и позиция немцев в Центральной Европе были скоординированы»***.

19 октября 1938 г. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в НКВД СССР:

«Несмотря на опыт Мюнхена и на критику мюнхенского соглашения в стране, Чемберлен по-прежнему убеждён, что «замирения» Европы можно добиться путём дипломатических переговоров с Гитлером и Муссолини ... Чемберлен готов и дальше капитулировать перед агрессорами ... он рассчитывает, что создание «Срединной Европы» толкнёт Гитлера на конфликт с СССР»****.

Гитлер не собирался довольствоваться Судетской областью, ему нужна была вся Чехия. И это желание Германии органично вписывалось в сценарии западных держав. Соединённые Штаты, Великобритания, Франция и Польша уже не скрывали своих планов.

21 октября 1938 г. По прошествии всего трёх недель после захвата Судет Гитлер и начальник Генерального штаба Верховного главнокомандования вермахта Вильгельм Кейтель подписали директиву о разработке плана «ликвидации остатка Чехии

* <https://regnum.ru/news/polit/2759812.html>
 ** <https://munich.rusarchives.ru/dokumenty/iz-byulletenya-ne-dlya-pechati-no-279-inostrannoy-informacii-tass-nyu-york-post-o-celyah-anglijskikh>
 *** <http://www.protown.ru/information/hide/4914.html>
 **** http://www.hrono.ru/dokum/193_dok/19381019may.html

и занятия Мемельской области». В ней прямо указывалось, что «организация, эшелонирование и степень готовности войск должны быть рассчитаны на нападение с тем, чтобы предотвратить всякую возможность отпора. Целью является быстрая оккупация Чехии и изоляция её от Словакии».

«Классовая ненависть настолько ослепляла крупнейших представителей западных стран, что они оказались не в состоянии правильно оценить обстановку. Г. Гувер в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» 26 октября 1938 г. после посещения им Гитлера писал с полной уверенностью, что «ни Германия, ни другие фашистские государства не желают войны с западными демократиями, пока эти демократии не мешают продвижению фашизма на Восток». 21 ноября 1938 г. Буллит откровенно сказал польскому послу в США графу Потоцкому, что США прямо заинтересованы в войне Германии против СССР, а Франция и Англия также желают, чтобы на Востоке дело дошло до военного столкновения между Германией и Россией. Кеннеди в свою очередь проявил полную откровенность, когда американские историки Лангер и Глизон обратились к нему за уточнением его точки зрения в период Мюнхена. Кеннеди не скрыл, что он поддерживал политику Чемберлена потому, что война между Германией и Советским Союзом была бы «на благо всему западному миру» ...

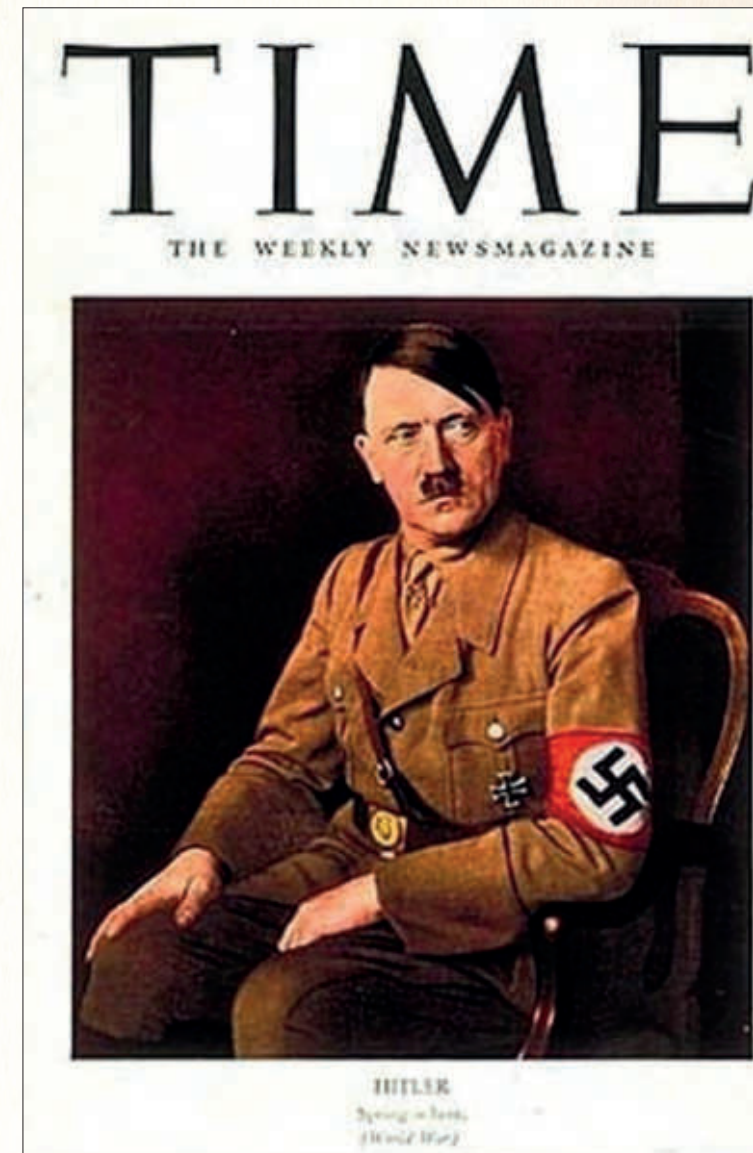
В буржуазной историографии Черчилль рисуется обычно как противник мюнхенской политики Чемберлена. В действительности же между Черчиллем и Чемберленом не было принципиальных расхождений. Различия были лишь в методах достижения общих целей. Черчилль не был против уступок Германии на востоке Европы для её поощрения, но требовал таких гарантий, которые заставили бы Германию ограничить свои захваты восточной частью Европы и выполнить тем самым мюнхенские обязательства*.

27 ноября 1938 г. Опубликовано сообщение ТАСС, в котором подчёркивалось, что в основе отношений между СССР и Польшей остаются «все существующие договоры».

6 декабря 1938 г. В Париже министры иностранных дел Франции и Германии Ж. Бонне и И. Риббентроп подписали франко-германскую декларацию о границе, мире и добрососедстве, так называемый Пакт Бонне-Риббентропа. При этом автоматически аннулировался франко-советский договор о взаимопомощи от 1935 г.

Декабрь 1938 г. Из доклада 2-го отдела (разведывательный отдел) главного штаба Войска Польского:

* <https://liewar.ru/knigi-o-vojne/229-vojna-i-politika.html?start=1>

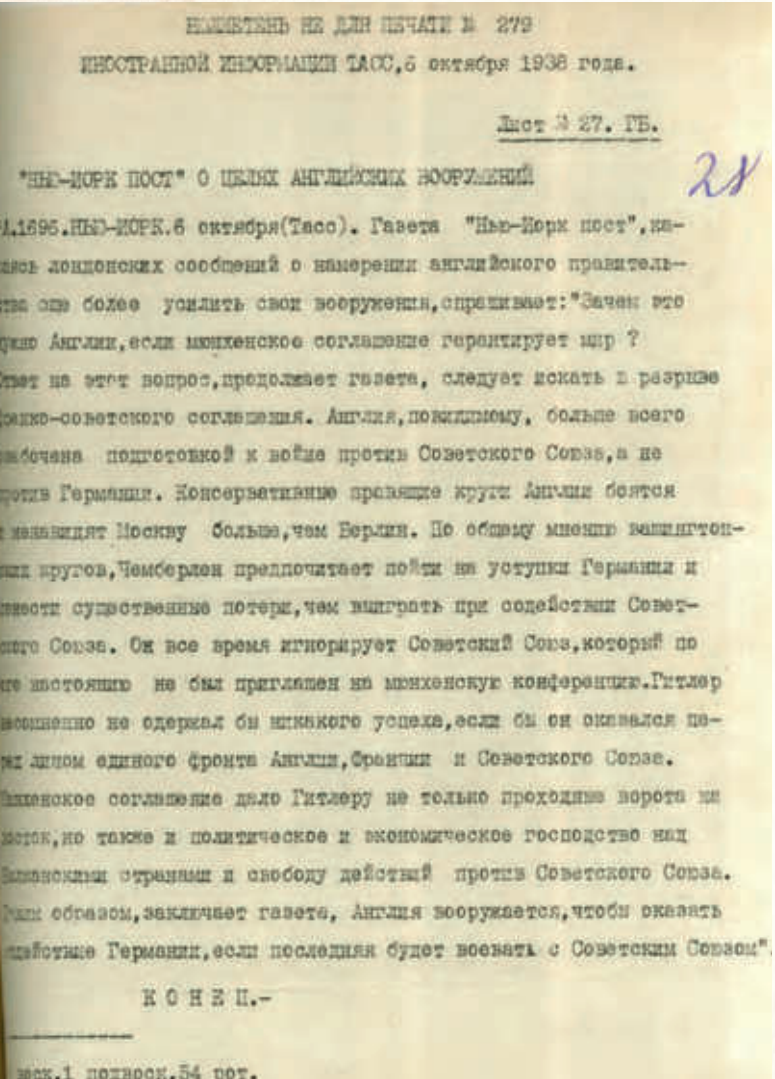
Обложка журнала «Times».

«Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна оставаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы благовременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России» (см. Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. T. III. Warszawa, 1968, str. 262, 287)**.

28 декабря 1938 г. Только что назначенный посланник Польши в Иране Ян Каршо-Седлевский заявил советнику посольства Германии в Польше Рудольфу фон Шелии:

«Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет

** http://www.perspektivy.info/history/s_zhadnostju_gijeny_operacija_zaluzhje_2009-09-07.htm

воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определённо стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на Востоке, прежде всего за счёт Украины, могут быть обеспечены лишь путём заранее достигнутого польско-германского соглашения»*.

«Лидер чехословацких социал-демократов, депутат парламента Гамиль в беседе с Александровским сказал, что «советско-чешская ошибка была в том, что не увидели в Польше «ключ к ситуации».

Ирония истории заключалась в том, что польское правительство, традиционно сетовавшее на разделы своей страны великими державами, теперь само выступило в роли мелкого хищника, по определению У. Черчилля — гиены, которая «с жадностью приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства».

Став одним из бенефициаров Мюнхенского соглашения, Варшава строила планы дальнейшей экспансии, имея виды на Литву и украинские земли»**.

Американский еженедельник «Time» 2 января 1939 года объявил Гитлера «Человеком года — 1938». За Чехословакию... Вот так-то... А чего Западу стесняться? Как-никак это их заслуга — старались, холили, лелеяли агрессора, любовно взращивали фашизм...

26 января 1939 г. В Варшаве состоялась беседа Ю. Бека с фон Риббентропом.

«Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Чёрному морю; он тут же указал на якобы существующие опасности, которые, по мнению польской стороны, повлечёт за собою для Польши договор с Германией, направленный против Советского Союза. Впрочем, он, говоря о будущем Советского Союза, высказал мнение, что Советский Союз либо развалится вследствие внутреннего распада, либо, чтобы избежать этой участи, заранее соберёт в кулак все свои силы и нанесёт удар.

Я указал г-ну Беку на пассивный характер его позиции и заявил, что было бы целесообразней предупредить развитие, которое он предсказывает, и выступить против Советского Союза в пропагандистском плане. По моему мнению, сказал я, присоединение Польши к антикоминтерновским державам ничем бы ей не грозило, напротив, безопасность Польши только выиграла бы от того, что Польша оказалась бы с нами в одной лодке.

* <https://nstarikov.ru/tayny-pakta-gitlera-pilsudskogo-74354>

** <http://https://klaipeda.mid.ru/-/pol-sa-i-munhenskij-sgovor?inheritRedirect=true>

Г-н Бек сказал, что и этот вопрос он серьёзно продумает»***.

Итоги: Германия получила огромную территорию Судетской области со всеми военными укреплениями, промышленностью и инфраструктурой, с населением, т. е. военно-промышленный потенциал её значительно вырос. Германию усиленно «откармливали» ...

Венгрии пришлось поумерить свои аппетиты, распространявшиеся на Словакию, ей пока досталась лишь часть Южной Словакии.

Польша оккупировала Тешинскую Силезию. Западные державы попытались возложить вину за своё предательство и на Советский Союз. СССР был вынужден дезавуировать лживые сообщения западной прессы.

Чехословакия потеряла мощную оборонительную линию на границе, огромную часть населения и территории, наиболее развитые индустриально районы. Новая граница прошла в нескольких километрах от столицы и важнейших индустриальных центров страны, Чехословакия стала практически незащищённой перед внешним вторжением.

Великобритания, США, Франция уже открыто рассуждали о своей заинтересованности в войне Германии с СССР. Польское государство не просто занимало глубоко враждебную позицию по отношению к Советскому Союзу, но активно готовилось к совместной с Гитлером агрессии против СССР.

Мюнхенское предательство Великобритании и Франции привело к обрушению Чехословацкого государства, окончательному уничтожению Версальской системы безопасности в Европе. Оно подорвало доверие в мире к самим западным державам, дискредитировало и фактически уничтожило Лигу наций.

Мюнхен окончательно выдавил Францию в ряд второстепенных держав. Стала очевидна несамостоятельность Франции, являвшейся всего лишь инструментом Великобритании. Да, мощным инструментом, но лишь инструментом, вся мощь или немощь которого зависят от воли того, в чьих руках этот инструмент находится.

Уинстон Черчилль пророчески высказался по поводу возвращения восторженного сэра Невилла Чемберлена из Мюнхена: «У Чемберлена был выбор между войной и позором. Сейчас он выбрал позор — войну он получит позже» ...

Продолжение следует...

*** Из записи беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком

НАС ГОТОВИЛИ К ВОЙНЕ «НА ПАЛЬЦАХ»

Опубликованы воспоминания из коричневой общей тетради В. А. Максимова.

На обложке тетради приклеен листочек с пометкой «41-44 г.»

В тетрадь перед первой страницей вложено письмо от 4 X-41.

«Мы дети страшных лет России»

Настало 6 ноября. Воспоминания мучили меня. Всего год назад была Зина, демонстрация в солнечный день, подарки Борису. А сейчас — в моих любимых местах у Истры — немцы, жизнь рассыпалась. Кругом — мрачная грозная казарма, чужие непонятные и даже чуждые мне люди. Везде — ночь, треск немецкой морзянки, голод, непогода, смерть.

Нам, для праздника выдали по две сероватых французских булки и по куску полукопчёной колбасы. В компании с несколькими такими же горемыками я сидел у печки, жевал булку, смотрел в огонь. Шипели сырые дрова; в коридорах гулко

звучали голоса. Будущего нет — ни у меня, ни у моих соседей, у всей страны нет будущего.

И вдруг, сквозь вой и свист немецких станций прорвался голос Москвы. Сперва, когда я услышал грузинский акцент, я остолбенел, я не поверил. Из Москвы, из той самой Москвы, от которой до немцев всего десятки километров, передавали торжественное Октябрьское заседание. Сталин — в Москве. И сразу всё стало на своё место. Сейчас, конечно не передать того душевного облегчения, подъёма, радости, не рассказать о вере и надежде, пришедшие на смену отчаянию и тоске.

7 ноября шёл густой снег. По радио передавали парад на Красной площади. Всё как-то выпрямилось, стало уверенным, смерть на войне представлялась не гибелью, а осмысленной необходимостью.

Парад 7 ноября 1941 года

Вскочили газав в 6, выскочили на улицу, мороз; играет полярное солнце; холодно; потренил как-как снегом лицо и руки (мне не было), вытрезивая салометисом (я курю не еще в Вологде, в лесу носового платка) и бешущ в шуба, слушаю утреннюю слодра.

В столовой кормили только тогда не умерев с году. Карман не по солдатской норме, а по вахтенной картонке. ~~Картонка~~

Лоток не было. Лотки были большие ценностью. Их давали ^{друзья у друга} каровалет. Впрочем варо ваши и кубики с шималей, ~~вруж~~

Вот так утром я и услышал потрескающие известие: началось как тур-набумление под Москвой... Никогда ни до этого, ни после этого я не слышал в жизни ~~то~~ что-нибудь радостнее и значительнее.

Командир полка сразу не взлюбил меня. Началось с того, что он собрал совещание комбафов и шенов шуба. На него вызывали всех вново прибывших офицеров. Я не знал этого и когда меня позвали

самолет. Было страшно холодно. Из-за самолета не тошни перура, не ваши порого; прыжи сахара, разматывая их снегом...

Когда светило поднимал паровоз и мы покашли в лес. На 34⁰⁰ километре долго выгружались. Богачев привезал вздым из шубаного вагона перура, хотя это было карьерически запрещенно. Конечно все объяснение последовало этому благому примеру. Все уже пробавили к тому, что видна все шимей...

Потом шли по шоссе, километры в поле. Вдоль дороги, под пидрами следовали шапки, стояли большие прогнившие утренние дзоты, какою пурей.

С кепришкой свбулаб оттапливал шено; из-за него было трудно уступать удобно ленте, которые мы несли на лесе.

Свернули в лес, наши пурей попураженые земляники, стали разматываться...

С этого дня я уже не думал о поражении страны. Через день или два я попал в очередную отправку на фронт. Поздно вечером, в темноте мы разыскивали свой эшелон. Меня больно и обидно поразило, что никто не знал — где он стоит. И ещё обиднее стало, когда мы разыскали, наконец, товарный состав и влезли в вагон, в котором не было даже печки.

Нас довезли до Череповца. Дальше поезда не шли. Кто-то сказал, что немцы взяли Тихвин. Толпой мы пошли в город — надо было где-нибудь и что-нибудь поесть и узнать — что-же дальше делать.

Но ничего толком мы не узнали. Отправлять полсотни безоружных командиров дальше к фронту — было нельзя. Возвращать в Вологду — никто не имел такой команды. Так мы и болтались никому не нужные, голодные, замёрзшие. Я думал — хорошо, что нас не отправили на сутки раньше: теперь мы были бы либо в плену, либо валялись-бы где-нибудь неприбранными трупами.

Время от времени начинали гудеть паровозы; зенитки вели огонь. Мы разбегались подальше от путей.

В конце концов, нас отправили обратно. В вагоне на этот раз стояла печка, были настланы нары. Мы наворовали в санитарном поезде дров и даже уголь. В кармане у меня лежала краюшка хлеба. Я поджаривал её на печке; ничего вкуснее никогда не ел.

Особняком держалась группа сапёров, во главе с молодым лейтенантом. У него был Орден Ленина. Он был холодно уверен в себе, громко смеялся.

Самое неприятное в нём и его товарищах было то, что у них оказалось много хлеба и они ели его, несколько не заботясь о том, чтобы не падали крошки, бросали корки. А мне так хотелось есть! Если бы я попросил, они бы, наверное, дали мне. Но я умирал от стыда при одной мысли о том, чтобы просить. Поздно ночью поезд дотянулся до Вологды. Наша грязная казарма показалась мне самым родным местом на земле. Она была единственным прочным прибежищем в мире. Ещё на несколько дней она сбережёт мне жизнь. А самое главное — здесь я буду есть каждый день и, если выпадет счастье, дождусь писем от Зины.

25 ноября нас отправили в Архангельск. Ехали больше суток. В сумерках перешли по льду Двину. В штабе округа мне дали направление в 296 запасный лыжный полк. Ночевали где-то на голых грязных нарах. Днём отправил письма всем родным; купил французскую книгу, бродил по улицам. Гражданский люд выглядел плохо. В Архангельске уже голодали. Встречались английские моряки с конвоев. Сводки в газетах были самые мрачные. Вече-

ром опять брёл в паре с черно-волосатым лейтенантом (и фамилию помню — Полищук) по Двине. Нам обоим нужно было ехать до Вологовска — нового города в устье Двины, а дальше — в разные полки.

Утром стоял свирепый мороз. В тумане я переехал автобусом через Двину. Вдали громоздились недостроенные корпуса огромного судостроительного завода, стояли пароходы, из полыней валил густой пар.

Полк находился на острове Ягры — в дельте реки, в бараках — лагеря заключённых.

Низкий и совершенно плоский, остров иногда заливался водой. В самом центре ещё оставался лагерь, из которого выводили на работу заключённых.

Бараки были худые, холодные, кишевшие клопами и блохами.

Полк набирали из Вологодской и Архангельской областей. Много было уроженцев Коми. Народ в большинстве тощий, заморённый, совсем не похожий на лыжников — диверсантов. Кормили плохо — по третьей норме. Занимались без выходных дней, по 12 часов. На весь полк имелось 30–40 старых-престарых винтовок. Никакого другого оружия: ни автоматов, ни пулемётов, ни миномётов. Наставлений было совсем мало. На занятия выходили с грубо вырезанными из досок подобиями ружей.

Командный состав недалеко ушёл от солдат. А учить командиров — никто не учил. Как-то начальник штаба — плотный рыжий капитан оборвал кого-то: «Раньше надо было учиться, здесь — только готовят солдат, а не вас».

Полком командовал бывший комендант Архангельска, майор. Солдафон, хам и неуч, подстать ему были и начальник штаба и писаря в штабе.

Ночевали в бараках, на двухъярусных нарах, все вповалку, рядом офицеры и солдаты.

Самое ужасное во всем этом было то, что людей готовили к войне не бывавшие (за малым исключением) на ней, готовили, не зная азов военного дела, готовили «на пальцах», на словах, без оружия.

Вшивое, голодное, отвратительно одетое «воинство» готовилось стать (и стало) пушечным мясом. А ведь где-то в отчётах и сводках фигурировали запасные лыжные полки.

Когда я приехал всем полком распоряжался ПНШ-1 — симпатичный старший лейтенант. Высшее начальство было где-то в Архангельске. ПНШ-1 не знал, что со мной делать и временно оставил при штабе. К остывающей печке приставлял табуретки, и спал, время от времени поворачиваясь к печке то спиной, то грудью, так как из углов отчаянно дуло. Умывался снегом; воды в штабе не было. Вскочишь часов в 6, вскочишь на улицу, мороз, играет

полярное сияние, холодно. Потрёшь кое-как снегом лицо и руки (мыла не было), вытрешься салфеткой (я купил её ещё в Вологде, вместо носового платка) и бежишь в штаб, слушать утреннюю сводку.

В столовой кормили только чтобы не умереть с голоду. Кормили не по солдатской норме, а по военторговской карточке.

Ложек не было. Ложки были большой ценностью. Их даже воровали друг у друга. Впрочем, воровали и кубики с шинелей.

Вот так утром я и услышал потрясающее известие: началось контр-наступление под Москвой. Никогда ни до этого, ни после этого я не слышал в жизни что-нибудь радостнее и значительнее.

Командир полка сразу невзлюбил меня. Началось с того, что он собрал совещание комбатов и чинов штаба. На него вызывали всех вновь прибывших офицеров. Я не знал этого и когда меня позвали, подумал что меня приглашают именно на совещание. Войдя, я не представился майору (я и представления не имел о том, как это делается), а по штатской привычке, хотел сесть на стул. Майор даже задохнулся от негодования. Особенно досадила я ему тем, что я воевал в 3-ей гвардейской. «Гвардеец» — протянул он желчно, прямо-таки истекая негодованием и презрением. Врач расспросил меня, как ведёт себя раненая нога, могу ли я ходить на лыжах и т. п.

Когда я вышел, то общее впечатление (как я потом узнал) было совсем не в мою пользу. Майор хотел даже назначить меня командиром хоззвода. Никуда я, по его мнению, больше не годился. ПНШ-1 меня отстоял. Впрочем — ненадолго.

21 февраля настала и наша очередь. В сумерках погрузились в эшелоны. Поздно вечером, уже в Исакогорке погрузили оружие. Батальон ехал на фронт, а люди впервые в жизни увидели автоматы, миномёты, ручные и станковые пулемёты.

23 февраля проехали Кемь, а на рассвете 24 февраля эшелон пришёл в Лоухи. Первое, что бросилось в глаза — было разрушенное здание депо. В сизом тумане тонули деревянные постройки станции. За ней и вокруг стеной стояла карельская тайга.

У военного коменданта нас ждали офицеры из 23-ей гвардейской дивизии. У них был вид людей, вполне притерпевшихся ко всему, что нас окружало: мороз, тайга, война. Тем временем эшелон подали в лес, подальше от станции. У самой линии теснились ели. В снегу метровой глубины пыталось размять наше воинство.

Скоро распогодилось. По безоблачному небу неторопливо летал немецкий самолёт. Было страшно холодно. Из-за самолёта не топили печурки, не варили горячего. Грызли сухари, размачивая их снегом.

Владимир Александрович Максимов

Когда стемнело, подошёл паровоз, и мы покатили в лес. На 34-м километре долго выгружались. Бочаров приказал взять из штабного вагона печурку, хотя это было категорически запрещено. Конечно, все остальные последовали этому благому примеру. Все уже привыкли к тому, что война все спишет.

Потом шли по шоссе километров пять. Вдоль дороги, под плотными снеговыми шапками стояли большие, прочно устроенные дзоты, конечно, пустье.

С непривычки автомат оттягивал шею; из-за него было трудно устроить удобно лыжи, которые мы несли на плече. Свернули в лес, нашли пустые полуразрушенные землянки, стали размещаться. День прошёл в бестолковой суете. Всем было холодно, все были неустроены и от этого злы и крикливы.

Всем штабом батальона сходили на 34 км, где размещался штадив-23. там показали район, где в межозерных дефиле должен был занять позиции наш 201 ОЛБ.

*Орфография и знаки препинания рукописи сохранены
Материал для публикации на портале
www.world-war.ru передал внук
Кирилл Владимирович Родионов*

СХОЖУ С УМА

Автор Баранова (Хохлова) Лидия Даментьевна

Утром, дожидаясь в холодной комнате Ленфильма, когда начальник кадров распределит нас на работу: кого — расчищать трамвайные рельсы, кого — пилить и колоть дрова, мы или дремлем, или разговариваем между собой. Из нашего мультцеха на этой работе шесть человек*. Более сильные и здоровые — в пожарных командах и на казарменном положении. Здесь же, на снегу, многие из чужих цехов.

От дремоты меня пробуждает голос молодой женщины, со злобой рассказывающей о своей трёхлетней дочке: «Съест свой кусок хлеба и так и смотрит на нас за столом. Все крошки соберёт, прямо противно. У, ненавистная!..»

Я даже сразу не поняла, о ком она говорит, но она подтвердила, что о своей дочке.

Все нерабочие пять дней я лежу с опухшим лицом, отчаянным сердцебиением и слабостью и не могу оправиться.

Обычно, закончив свой урок на рельсах, мы уходим домой. Но однажды, после отработанных пяти дней, начальник кадров зовёт нас к себе и говорит, чтобы мы не ушли, пока он не скажет, приходите нам завтра или нет.

Сам он уходит, а мы сидим продрогшие и голодные, в ожидании его возвращения. На улице 37 градусов мороза, даже дышать трудно, не только работать. Уже 2 часа дня. Кто-то ломает ящик от стола и затапливает железную печурку.

Одна из девушек (чужого цеха) вынимает большой кусок хлеба, режет его на куски и раскладывает на печке. Мы смотрим на неё с жадностью, а она, не смущаясь этим, засовывает в рот поджаренные кусочки.

Я вижу, как Анечка всё ниже и ниже опускает голову и вдруг начинает плакать. Слёзы неудержимо текут из её глаз. Она всхлипывает, вытирает глаза, но слёзы льются непрерывно. Она плачет в течение часа и не может остановиться. Каждому хочется плакать, и все угрюмо молчат.

В четыре часа приходит начальник и отпускает нас домой... Следующую пятидневку работает дружная партия.

* Зента Яценко, Людмила Григорьевна Казанцева, Мария Францевна Бенуа, Мария Васильевна Малик, Анечка Востокова и я.

* * *

Зине в руки передано всё несложное наше хозяйство. Она подсушивает на железной печке и раздаёт хлеб, варит бульон из столярного клея, иногда делает котлеты из дуранды, которую теперь очень редко достаёт Н. М.**.

Мы строго придерживаемся режима, предписываемого ленинградскими врачами, и не съедаем весь хлеб сразу, а делим его на три раза.

При свете парафинового светильника садимся ужинать. На столе кипящий самовар и соль. Перед каждым поставлено маленькое блюдечко.

Я смотрю со звериной ненавистью на Зинины руки, когда она раскладывает сухарики. Она чувствует мой взгляд и старается положить мне кусочки, равноценные своим. Другим она кладёт меньше и более подгорелые. Зная, что папа плохо видит, она подсовывает ему самые горелые. Иногда я возмущаюсь, и она меняет эти кусочки на другие. Иногда я молчу, боясь слишком явно обнаружить свои чувства к ней.

Поэтому же она даёт мне теперь облизывать пустые кастрюльки, на которых по краям налипла дурандовая мука. «— Я ведь пробую, когда готовлю», — говорит Зина в объяснение.

Эта чёрная дурандовая мука такая редкость. Когда её выдают по карточкам — у нас праздник. Только Володе от неё и от «котлетной» массы бывает плохо, и, поев её, он кричит по ночам. Даже не кричит, а как-то воеет. В соседней комнате, где спим мы с мамой, я стараюсь глубже залезть под одеяло, чтобы не слышать Володиных криков.

* * *

В начале января всегда жизнерадостный и приветливый Н. М. становится пасмурным и сосредоточенным.

— Что с вами? — спрашиваю я.

— Знаете, — отвечает Н. М., смотря куда-то в одну точку, — мне иногда кажется, что я схожу с ума. Я не могу по вечерам сидеть один в своей комнате, на заводе, а выхожу во двор и хожу, хожу без конца. Если бы раньше нам приснился воз, наполненный трупами, мы бы долго не могли освобо-

** Н. М. — друг нашей семьи, инженер-химик.

Брошенные и занесённые снегом троллейбусы в блокадном Ленинграде

диться от такого кошмара. А теперь смотришь на эти возы наяву и делается как-то смешно.

Я встретила недавно грузовик и, машинально вглядываясь в него, не могла понять, чем так доверху, горой он нагружен. Какие-то ноги, руки в разные стороны, головы. Все это серо-зелёного, лилового цвета и так много. «Да ведь это трупы!» — с трудом дошло до сознания.

В воротах нашего дома стоят санки, а на них лежит что-то завернутое в белое и опутанное верёвками. Так как на горле тоже верёвка, отделяющая голову от туловища, то можно догадаться, что это труп человека, приготовленный для похорон. Почему он у нас в подворотне и почему никого нет около — нельзя понять.

Проходя мимо трамвайной остановки, я вижу на скамейке лежащий труп мужчины. С его ног снята обувь. Через сутки он лежит также. Его голые ноги страшно белеют в рассветающем утре. Убрать труп некому — нет ни сил, ни желания.

В нашем дворе человек пошёл в дровяной сарай и, не успев открыть дверь, упал и умер. Н. М. видит его утром, уходя от нас, и вечером, возвращаясь, находит его там же.

В конце ноября, вынося на помойку ведро с мусором, Володя заметил большого и толстого кота. Он позвал его и принёс к себе домой. Чтобы не возбуждать лишних разговоров в квартире, Володя и Зина, забрав кота, отправились к кому-то из товарищей, где и приготовили суп и котлеты, которыми питались два дня.

Когда Верочка Петрова хотела усыпить своего кота, мама упростила отдать его Володе. Это поддержало Володю некоторое время.

Позднее, когда он переехал уже к нам, он мечтал о такой еде, и я отправилась в квартиру своей сослуживицы, где был кот, которого хозяйка хотела усыпить.

Как только я подняла разговор о том, чтобы мне отдали или продали кота, хозяйка подняла такой плач, что я не могла её успокоить. Я просидела больше часа, убеждая отдать кота, но безуспешно.

Возвращаясь в холодный солнечный день, перелезая через сугробы на набережной Невы, я с унынием в сердце подходила к дому. Что я скажу Володе, когда он так ждёт, что я достану что-нибудь съедобное. Я знаю, что Сюмкин так и умер, до последнего дня ожидая, что Нина Коробова принесёт

обещанной конины. А она пришла с кониной на другой день после его смерти и никак не могла без отчаяния вспоминать об этом.

Когда на улицах Ленинграда нельзя было найти ни одной кошки или собаки — за них давали большие деньги, — когда были вытрясены все мешки из-под крупы и в буфете тряпкой сметены все крошки вместе с пылью, вытряхнуты все коробки, — мы с Зиной мечтали поймать хоть мышшь. Ни с чем несравнимый звериный голод мучил людей. Они убивали друг друга, крали карточки, вырывали хлеб у детей на улицах и в булочных. Несколько раз на окраинах громили булочные.

Один человек из-за тарелки киселя всадил нож в спину своему старику соседу. Многие потеряли человеческий облик. Мужья расходились с жёнами, если у тех были не равноценные карточки. В одной

интеллигентной семье муж (инженер) отнимал карточки у жены и детей и, съев всё один, вымалывал у них на коленях прощенье.

К директору одного завода приходили люди, умолявшие его помочь им выехать из Ленинграда. Мужчины потеряли все понятия о чести, об обязанностях перед семьёй. Многие бросили жён и детей и уезжали одни, спасая себя.

В открытом виде на улицах нельзя было пронести хлеб. У папы в булочной отняли хлеб, но он вцепился в укравшего, и тот бросил хлеб на прилавок. Ходить одной страшно, особенно в темноте. У нас в доме у одной старушки отняли утром все карточки, да ещё избили. У неё дочь и двое внуков четырёх и шести лет. Дети и бабушка лежат от слабости в постели. Об этом заявили, и пришли с обследованием, но карточки выдали только через три дня и только детям.

Софья Александровна Гальвас рассказывает, что, прийдя к племяннице, она в подъезде натолкнулась на труп женщины, у которой вырезаны мягкие части.

Н. М. говорит, что, когда он шёл к нам, то у самого завода видел лежащий труп мужчины, а когда возвращался, — нога была отрезана. При нём же милиционер вёл женщину, которая долбила до-

лом замёрзший труп и в мешке несла куски человеческого мяса. Всё это не поддаётся описанию. Человеческий мозг в нормальном состоянии не мог бы воспринять и охватить всех ужасов. В то время он был как бы окутан спасительным туманом.

Во время моей работы по очистке трамвайных рельсов какая-то женщина, переходя дорогу, плеснула нечаянно суп из бидона. Это была жёлтая водичка, которая тут же и замёрзла на снегу. Другая женщина сейчас же нагнулась и начала собирать и запихивать в рот окрашенный супом снег.

* * *

Однажды пришёл Н. М. и сказал, что у его шофёра украли трёхлетнюю девочку. Шофёр был как будто не в своём уме, и Н. М. не сразу понял, в чем дело.

Жена шофёра с девочкой была в булочной. Ребёнок упитанный, толстенький. Ему отдавали всё, что можно было достать, а шофёру удавалось заработать порядочно продуктов, благодаря своей машине*.

Жена подошла в булочной к кассе, и девочка вертелась тут же. Только те несколько минут, пока она платила деньги за хлеб, она не смотрела на ребёнка. Когда она оглянулась, девочки уже не было. Дом стоял на окраине, на пустыре, девочка не могла успеть никуда уйти. Мать побежала туда-сюда — нигде нет ребёнка.

Шофёр кинулся в милицию, но усталые сонные лица при свете коптилок — никак не откликнулись на его отчаяние.

Поиски самого шофёра не привели ни к чему. Ребёнок пропал бесследно.

* * *

К знакомому директору завода пришёл рабочий и стал умолять о помощи, говоря, что он умирает. Директор не поверил: умирает, а стоит себе на ногах, пришёл издалека и даже голос возвышает. Рабочий в негодовании бросил об пол шапку и накричал на директора. Тот выгнал его из комнаты.

Чем можно было помочь? 28 собак, породистых овчарок, имевшихся на заводе для охраны, давно розданы рабочим. Подсолнечная дуранда выдаётся по килограмму только действительно умирающим, а этот...

Через день пришла жена рабочего. Он вернулся домой с завода, лёг и умер.

Директор был смущён.

В этой гибели от голода не было границы между жизнью и смертью. Человек мог лежать месяц в одном состоянии и вдруг неожиданно умереть. Мог разговаривать за пять минут до смерти, мог и ходить до последней минуты, не зная, что сейчас упадёт и никогда уже не встанет.

* * *

В конце декабря мы четыре дня сидели на одной воде. Н. М. не приходил, и ничего не выдавали.

То, что я читала когда-то о голоде, о боли и спазмах в желудке, никто из нас не испытывал. Чувство безмерной слабости, когда кажется, что сейчас остановится сердце, помутнение разума, как будто мозг окутан паутиной, нежелание не только шевельнуть рукой или ногой, но даже говорить, и нестерпимое

* Машин в городе совсем не было, только небольшое количество на заводах.

желание положить в рот что-то твёрдое — я пробовала жевать даже щепки — вот что испытывали все ленинградцы.

У многих здоровых людей в Ленинграде развивались психические болезни. У людей же с большой психикой постоянное желание есть превращалось в манию.

Мариша Иванова рассказывала о злобных выходках её матери, которой Мариша уступала часть своего хлеба. Рассказывала, как в припадке злобы мать била её по голове тяжёлым свёрнутым ковром, а потом не позволяла плакать, ругая последними словами.

Пугает ощущение собственной худобы. Ложась спать, стараешься не дотронуться до себя, чтобы не почувствовать прикосновение к костям. Лида Андриевская говорит, что она себе противна и что старается, ложась спать, юркнуть скорее под одеяло, чтобы не увидеть себя раздетой.

Потом уж мы и не раздевались, ложась спать.

В январе, разбирая ёлочные игрушки в надежде найти завалившуюся конфету, я обнаружила много золочёных орехов. Заперев комнату, я расколола их и, отложив горсточку для Н. М., разделила на всех.

Какова была радость, когда вместо привычного кипятка к ужину я вынесла всем по горсточке орехов.

Среди детских игрушек я нашла крошечный кукольный мешочек с сухарями, которые с жадностью проглотил Володя.

Мы обычно получали карточки в конце месяца. В январе в некоторых учреждениях запоздали с выдачей на 4–6 дней. «Не успели напечатать», — говорили в объяснение.

Люди гибли целыми пачками, валились на улице, как мухи.

«Не успели напечатать, а что же делали целый месяц?» — говорили с отчаянием не получившие карточек. Кроме хлеба ничего не выдавали, и продержаться в эти дни было нечем.

Была неделя, когда останавливались хлебные заводы: водопровод замерзал, не было топлива и не было рабочих рук, так как не было сил.

Хлеб выдавали только в некоторых местах, где он ещё был или где были небольшие пекарни. Очередь были такие, что, встав в пять часов утра, получали только к вечеру.

Потом стали выдавать вместо хлеба муку: но печь было негде и не на чем, и выдавали в таком количестве, что невыгодно было брать. В эти дни погибло очень много людей.

Источник: Наше наследие. — 1989. — № 6. — С. 83–87.

СОЛДАТЫ ШЛИ ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Автор **Анатолий Докучаев**, внук рядового войны

Правду о войне я начал узнавать от своего деда по матери. Алексей Ильич Старых, ныне покойный, был самый что ни есть рядовой войны — артиллерист, подносчик боеприпасов к орудиям. Правду о войне я узнавал скупую, ибо рассказывать дед не любил, а может быть, не умел. И всё же отдельные эпизоды засели в памяти крепко. Однажды зашёл разговор об отступлении нашей армии.

Вот так просто бывший солдат объяснил причину того, что потом, через 1~<418 дней и ночей после памятного 22 июня 1941-го приведёт к Великой Победе: мол, «переломили себя». Дед мой, к слову, ушедший на фронт в июле 1941-го из своего родного села Дубового Рязанской области (ныне Чаплыгинского района Липецкой области), до Берлина не дошёл (дошли другие), свои фронтовые сто грамм за победу опрокинул под Кенигсбергом, оттуда с полком был переброшен на Дальний Восток, воевал, как он говорил сам, с японцем.

ТОГДА захотелось узнать, почему же, в конце концов, мы победили, если солдата пленил страх, если танки врага наводили ужас, узнать точку зрения самого рядового участника той большой Отечественной войны 1941–1945 годов. Как же всё-таки мы выстояли, переломили ход борьбы...

«Как выстояли? — переспрашивал дед и отвечал. — Да просто выстояли. У нас же приказ был — не отступать. Помню, танки прут, а сержант Потапов — земляк наш, откуда-то с Рязанщины, голос лужёный у него такой, кричит: «Старых, снаряд, снаряд», — и матерится. Чуть замешкался, Потапов тут же: застрелю... Пушка бабахает, сержант орёт благим матом, мне не до танков, подноси снаряды успевай. Всё страшно было — и танки, и пушка стреляющая, и сержант страшен. Сначала отступали, а потом... Мы хоть и рядовые, а понимали: всё время пятиться-то нельзя, так всю Россию проотступашь, и где могли — держались.

А немец-то в этом деле маху дал. Он ведь по-другому воевал. Вот прёт он, мы подбили его две машины, и он назад, считает, что завтра реванш возьмёт, обойдёт нас. На рожон-то не лез, боялся. Страх-то, он, видно, с двух сторон был... А как мы поняли, где слаб фриц, то тут всё и решилось...

Мы знем, что нынче лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем Навек!

Анна Ахматова

Переломили себя... Видимо, так. Рядовой сорок четвёртого, победного сорок пятого отличался от рядового сорок первого, сорок второго... Он более смел и отважен, более смекалист и опытен. Но стал таким потому, что взял суровые уроки у солдата, которому пришлось познавать войну с самого её начала. Без тех, кто встретил врага 22 июня 1941-го, не было бы и 9 мая 1945-го.

Однажды с группой экскурсантов я разглядывал фотографию в экспозиции о войне в одном из московских музеев — группу солдат сорок первого, молодых красноармейцев. Солдаты как солдаты, лица как лица, подобных снимков у нас в стране хранится много. И вот, когда уже перевёл взгляд на другой экспонат, голос экскурсовода заставил вновь обратиться к снимку, а затем открыл такое, чего ранее не знал о войне, точнее, рельефно, осязаемо не представлял. А сказано было примерно следующее: на снимке вы видите группу солдат, начинавших войну в июне сорок первого, большинство из них погибли на полях сражений в первый год войны, до Победы дожили единицы.

Вот как оно, оказывается, обстояло дело. Первые составы, если так можно сказать, нашей армии легли, усыпав своими телами просторы державы, погибли, и в сорок пятом брала Берлин и освобождала Прагу, по сути, другая армия, другие люди.

Полегли, сделав, кто больший, кто меньший вклад в Победу, но обязательно приблизив её.

Они погибали, чтобы выстоять, чтобы победить. Они сражались, как львы, как дьяволы, как сверх-человеки — наши рядовые Победы. Вот как оценил

стойкость советского солдата в боях за Сталинград рядовой немецкий солдат. Приведу выдержки из дневника:

16 сентября 1942 года. Наш батальон вместе с танками атакует элеватор, из которого валит дым — горит пшеница, говорят, русские сами подожгли её. Батальон несёт тяжёлые потери. В ротях осталось по 60 человек. В элеваторе сражаются не люди, а дьяволы, которых не берут ни пуля, ни огонь.

ИЗ СВОДОК СОВИНФОРМБЮРО: в течение 16 сентября наши войска вели ожесточённые бои с противником на северо-западной окраине Сталинграда и в районе Моздок. На других фронтах существенных изменений не произошло.

18 сентября 1942 года. Бои идут в самом элеваторе. Русские внутри него обречены. Наш батальонный командир говорит, что комиссары приказали этим людям сражаться в элеваторе до конца. Если все здания в Сталинграде будут обороняться, как это, ни один из моих сослуживцев не вернётся домой.

Именно рядовой солдат, в первую очередь, сломал хребет гитлеровской машине. Он заплатил и самую большую цену за Победу. Конечно, погибали на фронте и генералы, даже в чине командующего фронтом, попадали в плен и уничтожались гитлеровцами, прежде всего, комиссары и политруки, и всё же дороги Победы мостили главным образом они — рядовые войны.

Пешком без боев, с одного фронта на другой прошел I 750 километров, из них при отступлении — 950. С боями пешком — 2 750. Всего — 4 500 (значительную часть — по-пластунски, ползком, причем в грязь, в снег). К этому добавим километров 400 на машинах, около 6 000 по железной дороге. Получается свыше 10 000 километров войны. Пришлось потаскать минометы, целые тонны на себе.

За годы Великой Отечественной безвозвратные потери наших Вооружённых Сил составили — 8 млн. 668 тыс. 400 чел., из них почти 7,5 млн. рядовых, сержантов, старшин.

РЯДОВОЙ солдат сломал хребет гитлеровской машине, заплатил самую большую цену за Победу. И он, этот рядовой солдат, более всех выхлебал горького месива войны, проделал черновой работы. Ведь война — это не только бои, это ещё и страшный каждодневный нечеловеческий труд. Что только не превозмог наш солдат. Он исколесил в своих кирзачах тысячи километров, вместо лошадей тащил на себе орудия через овраги и болота, месяцами в страшный холод жил в окопах, в жару кормил вшей и мошкар, погибал не только от вражеских пуль и осколков снарядов, но и умирал от тифа и дизентерии, рыл окопы и траншеи, прокладывал колонные пути...

Вот конкретика. Хочу обратиться вместе с читателем к воспоминаниям маршала Кирилла Мерецкова. Мне более всего запомнился его рассказ о действиях войск Волховского фронта, которые в январе 1944-го собирались прорвать вражескую оборону под Новгородом, продвинуться до Луги и расколоть группу немецких армий «Север». Написана глава сухим военным языком и запомнилась не яркостью стиля. Другим. Вот что вспоминал маршал о подготовке к операции.

«Было построено дополнительно много траншей и ходов сообщения, оборудованы позиции для ведения огня прямой наводкой и передовые наблюдательные пункты, подвезены сотни тонн боеприпасов. Инженерные войска отремонтировали все дороги, построили ряд новых мостов и соорудили паром для тяжёлых танков через реку Волхов. К сожалению, свирепые морозы и метели сорвали впо-

следствии его работу. Тогда сапёры, работая в ледяной воде, навели мост особой конструкции, и тяжёлые танки были переправлены на левый берег.

...Исходный рубеж для атаки был оборудован на всём протяжении не далее, чем в 300 метрах от переднего края вражеской обороны, а кое-где в 100 метрах, причём для каждого батальона сделали по три-четыре снежные траншеи в сторону противника. В минных полях проделали 150 проходов шириной от 12 до 30 метров, сняв 7 тысяч мин различного устройства. На правом фланге 59-й армии оборудовали ложный район сосредоточения войск»*.

Сколько солдатского труда за словами и цифрами, приведёнными маршалом, и какого! Соорудили в свирепый мороз паром, так тот же мороз да метели не дали возможность им воспользоваться. Тогда полезли в ледяную воду... А работа на минном поле? Но, оказывается, это не всё, солдат всего-навсего сделал для себя подготовительную работу.

«14 января, в 10.30 утра, после полуторачасовой артподготовки танки прорыва и пехота двинулись с рубежа Любцы, Слутка на фашистские позиции, — вспоминал маршал. — Плохая погода затрудняла артиллерии вести прицельный огонь, а из-за низкой облачности авиация вообще не сумела принять участие в подготовке наступления и вступила в действие только на второй день. Часть танков застряла в болоте: внезапная оттепель, необычная для января, превратила поросшие кустами кочковатые ледяные поля в грязное месиво. Я волновался. С переднего края передали, что отдельные полки 6-го и 14-го стрелковых корпусов вышли на рубеж атаки

* Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1968.

за несколько минут до окончания артподготовки, и когда артиллерия перенесла огонь в глубину, полки эти ворвались в оборону противника. Удар оказался столь мощным, внезапным и стремительным, что первая позиция гитлеровской обороны сразу же перешла в наши руки, а 15 января была перерезана железная дорога Новгород-Чудово».

Вот он русский чудо-солдат. Авиация бездействует, танки застряли, а он врывается в оборону противника. Да, без полководцев победы не бывает, но добывают её они — рядовые.

Здесь, думается, уместными будут воспоминания командира сапёрного взвода 371-го стрелкового полка 3-й Московской коммунистической дивизии, подчеркнём, ополченской, фронтового сержанта Станислава Иофина. Беседа состоялась накануне 65-летия Победы.

«В ходе контрнаступления под Москвой мои однополчане, пехотинцы-ополченцы, проявляли волю, мужество, массовый героизм, — рассказывал Станислав Леонидович, — и бойцы, и командиры, и политработники. 22 февраля 1942 года совершил подвиг командир роты автоматчиков 528-го стрелкового полка младший лейтенант Анатолий Евгеньевич Халин. Он закрыл собой в ходе наступления амбразуру вражеского дзота. Перед этим крикнул политруку: «Принимай командование ротой, я к дзоту». И по-пластунски двинулся с гранатами вперёд. Попытка подавить огневую точку гранатами, но огонь не прекратился. И тогда он бросился на амбразуру. Одновременно аналогичный подвиг совершил пулемётчик нашего 371-го полка сержант Дмитрий Окороков. Отмечу, это случилось за год до подвига Александра Матросова. В последующих боях такой же подвиг совершили воины нашего полка младший лейтенант Ф. Штрайхер и боец П. Лыжин.

Но я хочу сказать о другом: одного героизма на фронте мало, героизм нужно помножить на профессионализм, — нужно уметь бить врага, — и на каждодневный труд. Вот, к слову, фронтовая судьба сапёра, она не самая лёгкая. Наступает стрелковый полк. Вам приказывают к утреннему наступлению подготовить зигзагообразные окопы в снегу для того, чтобы утром пехота могла наступать малой кровью, не поверху же им идти, действительно. И ты часами со снегом борешься. Пробираешься к объекту наступления, к деревушке, к примеру, а там минное поле... Обнаруживаешь на ощупь мину, «устраняешь» её, делаешь безопасный проход. Встретилась колючая проволока — режешь её.

Всё это требовало большого напряжения — физического и нервного. Немцы регулярно пускали

осветительные ракеты и стреляли наугад из пулемёта трассирующими пулями веером. После выполнения задачи мы, совсем измочаленные, возвращались обратно, а утром шли в наступление вместе с пехотой. Если наступление удачное, то пехота отдыхает, а сапёрам — нужно построить НП, землянку для командования, и многое чего ещё сделать. Зимой это очень непросто — нужно раскидать снег, продолбить шурфы, так как земля до метра в глубину мёрзлая, в шурфы заложить взрывчатку, взорвать её, потом поработать на славу лопатами, ломом. Поскольку болотистая местность и углубиться особенно нельзя, надо делать сруб в три-четыре, а то и в пять звеньев. Значит, нужно валить деревья, очистить их от сучьев, распилить, и сверху — тоже накат бревенчатый соорудить. Своих погибших боевых товарищей мы, в основном, хоронили. Такова фронтовая судьба сапёра. У нас была такая поговорка: у отца было три сына — двое умных, а третий сапёр: так над собой смеялись. И всё же у пехотинца судьба была ещё тяжелее».

А теперь возвращусь на миг к воспоминаниям о своём деде. Мне было интересно: сколько километров исколесил он по просторам Европы и Азии, сколько прошагал по фронтовым дорогам, сколько пудов снарядов перетаскал. Всё, что я тогда выбил из деда: «Кто их считал, километры-то, не до этого было...» Но, оказалось, подсчитать километры примерно можно.

В преддверии 45-летия Победы я брал интервью у миномётчика Великой Отечественной, полного кавалера ордена Славы бывшего сержанта Александра Акиньюшина. Завёл с ним разговор о черновой работе, что ложилась на солдатские плечи в годы войны. И он мне поведал, что по просьбе Константина Симонова (ему требовалось для фильма) подсчитывал эту самую тяжёлую работу в километрах, килограммах. Подсчитал и сам удивился — чего только не пришлось хлебнуть матушке-пехоте.

В должности наводчика орудия сержант Акиньюшин расстрелял за войну около 6~<000 мин, то есть 100 тонн. Его расчёт подавил и уничтожил 14 противотанковых орудий, 10 миномётов, около полсотни пулемётов, восемь автомашин и бронетранспортёров, 500 человек пехоты.

Вот он солдатский труд в цифрах. У кого-то, видимо, километров поменьше, как и пудов перетасканного металла, но, безусловно, у кого-то эти цифры круче. Цифры, без которых не было бы Победы.

РЯДОВЫЕ Победы... Кого мы знаем из них? Великую Героиню Зою Космодемьянскую! Александра Матросова, чей благородный порыв спас жизни десяткам сослуживцев.

Юрия Смирнова, погибшего под пытками врага, но не сообщившего интересующих их данных.

Мелитона Кантарию и Михаила Егорова, водрузивших стяг Отечества над Рейхстагом.

И всё-таки таких десятки, ну, сотни, что на слуху. А Победу добывали миллионы. Добывал её тот НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ, что лежит у Кремлёвской стены в Александровском саду в Москве.

34 млн. 476,7 тыс. человек надели в течение войны шинели и в большинстве своём солдатские. Ежегодно находилось в строю — 10,5–11,5 млн. чел., причём добрая половина — в действующей армии.

И всё же первых среди равных мы обязаны помнить, ибо они подчёркивают колорит фигуры рядового бойца, вынесшего все тяготы войны и принёсшего Победу.

РЯДОВЫЕ войны, рядовые Победы. Так много стоит за этими словами, как объёмны они... Это первым почувствовал Александр Твардовский, когда начинал книгу о Василии Тёркине, о чём и признался в поэме.

Что ещё? И всё, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.
Почему так — без начала?
Потому, что сроку мало
Начинать её сначала.
Почему же без конца?
Просто жалко молодца.

Да, даже мастерски выписанный Твардовским Василий Тёркин не может претендовать на собирательный образ нашего рядового солдата, принёсшего на своих плечах Победу. Не может, потому что Победу ковала не просто армия великого народа, а сам народ, надевший форму рядового. Да, имя освободителя — народ, а точнее, народы нашей некогда единой державы.

Вглядитесь в публикуемые фото. На них рядовые войны — те, кто весной сорок пятого подарил нам Победу.

МЕДАЛЬ ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА

Часть 1

Автор **Баир Иринчеев**

*Серия детских книг
«Прадедушкины медали»*.*

Сталинградская битва стала самой крупной битвой в истории человечества. Она шла полгода на огромном пространстве, от Харькова до самого города Сталинграда. Были моменты, когда казалось, что поражение наших войск неминуемо. В этой битве шла речь о жизни и смерти нашего народа и государства.

Закончилась эта битва блестящей победой русского, советского оружия. Путь к победе был очень сложным и тяжёлым. Потери были велики, но в этой битве наши славные воины уничтожили 6-ю немецкую армию целиком. Сталинградская битва стала символом беспримерной стойкости советских бойцов и полководческого искусства советских генералов. В городе бойцы дрались за каждый дом, каждую квартиру, каждую комнату. Руководство страны тем временем разработало план сокрушительного удара по врагу, который закончился блистательной победой нашего оружия.

После Сталинградской битвы весь мир понял неизбежность поражения нацистской Германии. В память об этой великой победе в Сталинграде (сейчас — город Волгоград) были созданы величественные памятники, ставшие культурным достоянием нашей страны и всего мира. Монумент «Родина-мать» стал одним из семи чудес России. Об этой битве пойдёт рассказ в третьей тетради нашей серии «Прадедушкины медали».

Медаль «За оборону Сталинграда» учреждена 22 декабря 1942 года.

Медалью «за оборону Сталинграда» награждались все участники обороны Сталинграда — военнослужащие Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД, а также лица из гражданского населения, принимавшие непосредственное участие в обороне города.

* <https://medali-praded.ru/>

По состоянию на 1 января 1995 года медалью «за оборону Сталинграда» награждено приблизительно 759–560 человек.

Нашей армии под натиском врагов приходилось отступать. Много раз казалось, что нашим воинам не выстоять и что нашей стране конец. Но закончилась битва блестящей победой русского, советского оружия. Путь к этой победе был очень сложным и тяжёлым. Начнём наш рассказ с мая 1942 года.

Харьковская катастрофа

Весной 1942 года в районе Белгорода и наши, и немцы готовились к большому летнему сражению. Линия фронта была очень неровной, извилистой. Поэтому и нашим советским, и немецким генералам хотелось нанести удары на окружение. Для наступления на Харьков наша страна собрала немалые силы. Следовало окружить и уничтожить всю немецкую 6-ю армию в районе Харькова. 12 мая 1942 года наши войска первыми нанесли удар. Сначала наступление развивалось успешно, но затем наши части начали буксовать перед немецкой обороной, и продвижение замедлилось. Советское командование замешкалось и действовало не слишком быстро. Немцы, воспользовавшись медлительностью и несогласованностью действий советских генералов, сами нанесли удар во фланги и тыл нашего наступающего клина. Их ход оказался успешным и привёл к окружению советской группировки. Вскоре наши части пошли на прорыв. Первоначальный успех превратился в серию сражений по спасению наших войск, попавших в кольцо.

Харьковское сражение, май–июнь 1942 года

Вспоминает Виктор Михайлович Искров, тогда — капитан-артиллерист 70-го гвардейского корпусного артиллерийского полка. Его полк тоже попал в окружение:

«...Старались мы прорвать кольцо окружения в направлении села Чепель, так как нам сказали, что оттуда идёт к нам на помощь механизированный корпус. Но всё тщетно. Израсходовав все снаряды, мы последними снарядами подорвали всю материальную часть полка — 152-мм гаубицы-пушки и 122-мм пушки. Это было 25 и 26 мая 1942 года. Полковник Л. К. Дедов собрал всех командиров (командиров всех степеней), распорядился, чтобы все выходили из окружения группами, предварительно разбив всех по группам.

В ночь с 26 на 27 мая большая группа в несколько тысяч человек красноармейцев, сержантов и командиров пошла в атаку в направлении села Чепель. Ночная атака была относительно успешна. По пути мы подрывали стоящие танки, бронетранспортёры, другую боевую технику, а также вели борьбу с живой силой фашистов. Когда рассвело, на нас налетели самолёты «Юнкерс-87», нас бомбили беспощадно, не давая прорваться на село Чепель. Больше об этой атаке ничего не помню. Очнулся — уже темно. Правая часть тела была завалена землёй, от разорвавшейся рядом бомбы. Выполз я из-под

Весна 1942 года

После поражения немцев в битве под Москвой советское командование начало серию крупномасштабных наступлений по всему фронту. На северо-западе 2-я ударная армия с трудом прорвала оборону немцев в районе Мясного Бора, но затем сама оказалась в полуокружении.

Южнее, в районе Валдайской возвышенности, наступление Северо-западного фронта было более успешным. В этих местах наши части окружили крупную немецкую группировку под Демянском. Советское наступление на Ржев оказалось неудачным, как мы рассказывали в первой тетради.

К весне 1942 года были сформированы и обучены новые дивизии. Заводы в тылу произвели большое количество техники, оружия и боеприпасов. Советское командование считало, что немцы не смогут оправиться от поражений первой военной зимы. И оно разработало несколько крупных наступлений, которые должны были нанести немцам окончательное поражение и изгнать их из пределов нашей Родины. Газеты, радио и плакаты пестрели лозунгами «Закончим войну в 1942 году». Однако все расчёты были слишком оптимистичными. Наше командование недооценило способность немцев учиться на своих ошибках.

земли и пополз в овраг, так как ногами не владел. В овраге пролежал четверо суток, пытаюсь оставшимся большим куском колотого сахара в кармане. Через четверо суток я мог уже ногами передвигаться. Пошёл я к линии фронта, на восток. Пройдя немного, наткнулся на фашистских солдат, которые меня пленили.

В такую же ситуацию попали многие другие бойцы и командиры под Харьковом. Больше резервов на том направлении у нас не было. Фронт был

практически открыт. Немцы стремительно двинулись к Дону и на Кавказ, встречая лишь слабые очаги сопротивления.

События развивались молниеносно. 28 июня немцы прорвали нашу слабую оборону между Курском и Харьковом и устремились к Дону. Немецкие войска разделились: часть пошла на Сталинград, а другая — на Кавказ. 4 июля немцы заняли правобережный район Воронежа. 23 июля пал Ростов-на-Дону. Путь на Кавказ был открыт.

Часть 2

ПРИКАЗ № 227

Поражение под Харьковом стало сильным ударом по боевому духу нашей армии. Наши потери в технике — танках, артиллерии — под Харьковом были велики, отвечать на огонь немецких пушек и танков было почти нечем. Слишком много оружия осталось в Харьковском котле. Многие бойцы потеряли волю к борьбе, разуверились в победе. Войска отступали вместе с беженцами сплошным потоком. Они почти не оказывали противнику сопротивления.

Конечно, не все пали духом. Отдельные гвардейские части стояли намертво, как раньше сражались под Москвой панфиловцы, конники Доватора, танкисты Катуква. В бою 23 июля 1942 года бронбойщики гвардии сержанта Петра Болото 33-й гвардейской дивизии встали насмерть на высоте и подбили 30 немецких танков. Как и в битве за Москву, Пётр Болото сказал своим товарищам: «Лучше умереть, но немца в Сталинград не пустить!».

Но отдельные герои не могли спасти трагического положения на фронте. Большая часть наших войск отступала и более не надеялась даже думать о победе. Немцы и их приспешники, напротив, ликовали. Им казалось, что Россия, наконец, повержена и их бесчеловечная мечта о «тысячелетнем Рейхе» вот-вот осуществится.

Все ждали, что же скажет руководство страны и лично вождь Советского Союза. Слово Сталина

было жёстким и отрезвляющим. Оно было понятно любому самому простому бойцу Красной Армии. Приказ № 227, вошедший в историю как приказ «Ни шагу назад», был опубликован 28 июля 1942 года.

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

«О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций»

№ 227. 28 июля 1942 года г. Москва

Враг бросает на фронт всё новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперёд, врётся вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта,

идя за паникёрами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьёзного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамёна позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдаёт наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступить на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать своё позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину.

Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину. Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступить, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской

территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжёлые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникёрам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает всё больше и больше самолётов, танков, артиллерии, миномётов.

Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникёров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникёры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования. Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот призыв — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках распалась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка

штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на ещё более опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникёров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели своё действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой.

И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трёх (смотря по обстановке) штрафных батальона (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооружённых заградительных отряда (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

**Народный комиссар обороны СССР
И. В. Сталин**

Константин Константинович Симонов.
Поэт, писатель и военный корреспондент на фронтах
Великой Отечественной войны

В те же дни великий советский поэт Константин Симонов, служивший военным корреспондентом на фронте, написал одно из своих самых известных стихотворений «Убей немца».

Сейчас это стихотворение может показаться полным ненависти. Может показаться слишком кровожадным. После войны его даже переименовали в «Если дорог тебе твой дом». Однако тогда страна стояла на краю пропасти. Нужно было использовать все возможности для организации сопротивления, в том числе и такими стихами.

О критической, тревожной обстановке, которую тяжело переживала вся страна, написал и поэт Александр Твардовский — в своём стихотворении «Я убит подо Ржевом».

Я убит подо Ржевом

...Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

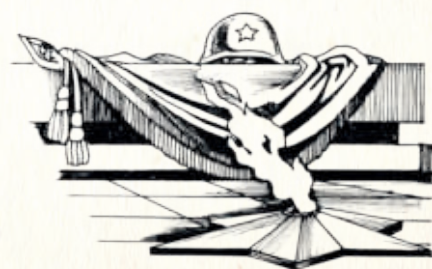
Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было всё на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон
И хотя бы колёсами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мёртвому — как?

И у мёртвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.

Если ты не хочешь отдать
Ты, с которой вдвоем ходил,
Ты, что долго поцеловать
Ты не смел, так ее любил,
Чтобы немцы ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И расплаи ее втроем
Обнаженную на полу,
Чтоб досталось трам этим псам,
В стонах, в ненависти, в крови,
Все, что свято берег ты сам,
Всю силу мужской любви...

Если ты не хочешь отдать
Немцу, с черным его ружьем,
Дом, где жила ты, жена и мать,
Все, что Родиной мы зовем,
Знай — никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь,
Знай — никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.
И пока его не убил,
То молчи о своей любви —
Край, где рос ты, и дом, где жила,
Своей Родиной не зови.
Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет,
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят,
Если немца убил твой брат —
Это он, а не ты, солдат.
Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
На в твоём доме чтобы стон —
А в его — по мертвому стоял,
Так хотел он, его вина —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его — пусть будет вдовой,
Пусть исплечется на тебя,
А его родившая мать,
Не твой, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Константин Симонов.

Приглашаем авторов — профессионалов
и увлечённых людей — для создания
вместе с нами народного журнала.

Присылайте в редакцию свои статьи,
исследования, стихотворения, сказки,
песни, рассказы, воспоминания
и другие творческие работы!

Делитесь своими идеями и мыслями
на страницах нашего журнала!

Приглашаем мастеров, мастериц,
изобретателей технарей-«самоделкиных»
к обмену опытом и совместным мастер-классам
на страницах нашего журнала.

Уважаемые читатели!

Журнал «Быть Добру!» выходит при содействии
Народного Славянского радио и является народным
изданием, созданным для вас и вместе с вами,
познавательным как для взрослых, так и для детей.

Цель журнала — просветительская и объединяющая
думающих людей, желающих жить по Совести
и в Ладу с Природой.

Материалы, опубликованные в журнале не преследуют
рекламных, коммерческих или иных целей, и имеют
исключительно ознакомительный характер.

Наш журнал создан командой единомышленников,
у нас нет спонсоров и хозяев.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор Светлана Большакова
Технический отдел Алексей Щербаков
Работа с авторами Анна Скрипаль
Корректор Екатерина Хэлу
Дизайн и вёрстка Наталья Пекина

Почта редакции:

zurnaldobra@mail.ru

Любое коммерческое использование
материалов, опубликованных в журнале,
без согласия авторов запрещено!

Коммерческое распространение журнала
без согласия редакции запрещено!

По вопросам распространения

+7 911 416 16 24 • Светлана Большакова

<https://vk.com/sveta505051>